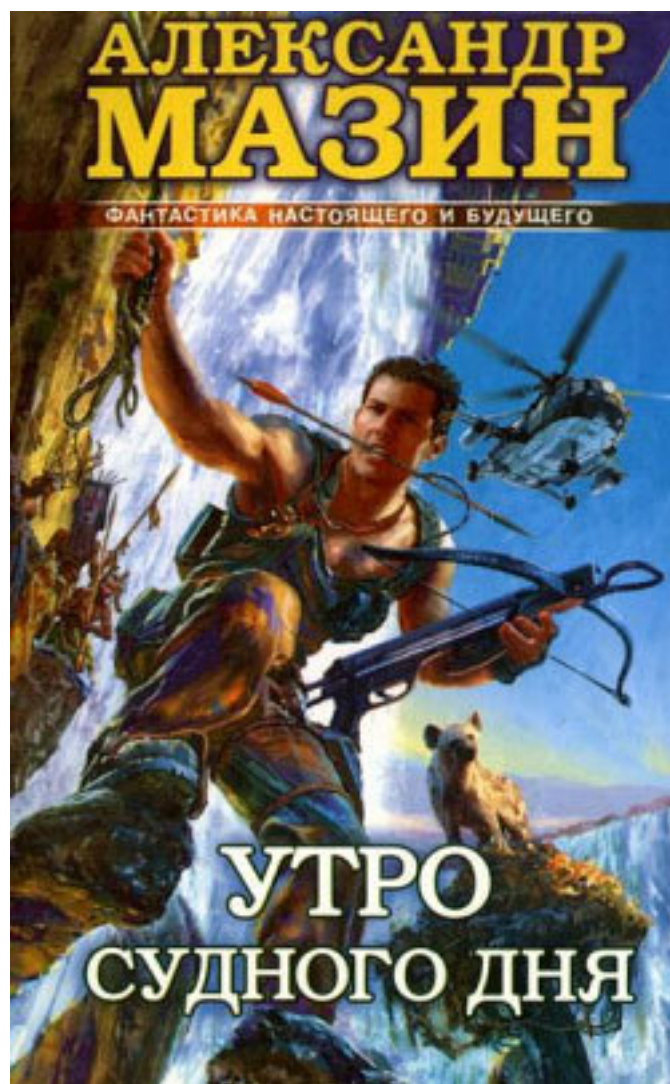

**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

**УТРО
СУДНОГО ДНЯ**

Время перемен

Александр Мазин
Утро Судного Дня

«Автор»

2007

Мазин А. В.

Утро Судного Дня / А. В. Мазин — «Автор», 2007 — (Время перемен)

Артем Грива, герой книги «Время перемен», бывший сотрудник российской военной разведки, а ныне – боевой офицер сильнейшей международной организации, становится главным участником грандиозного эксперимента: его забросят в далекое прошлое, в каменный век, чтобы там, среди первобытных племен, в девственной Африке, он отыскал причину, из-за которой его собственный мир сошел с ума...

© Мазин А. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	54
Глава тринадцатая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Мазин

Утро Судного Дня

Пролог

Развалившись в кресле, Артём бездумно разглядывал абстрактные рисунки на потолке. От кондиционера струилась прохлада. Приятная прохлада. Там кондиционеров, скорее всего, не будет. Скорее всего, там вообще не будет ничего хорошего для него, Артёма Алексеевича Гривы, тридцати двух лет, выпускника Математико-информационного отделения Высшей Военной Императорской школы, в прошлом – перспективного офицера Департамента русской внешней разведки, а ныне – сотрудника Всемирного комитета по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований, чаще именуемому «Аладдин».

Но – жребий брошен, и очень скоро выяснится, что именно предстоит пересечь майору Гриве – Рубикон или Стикс.

Справа бубнил по-английски доктор Праччимо.

– Благоприятные параметры... Фазовый резонанс... Гиперболическая зависимость... Точки разрыва... Точки сборки... Дивергенция протоматрицы...

Артём знал речь доктора Праччимо наизусть. Понимал – процентов на десять. Вернее, думал, что понимает. На всем шарике вряд ли удалось бы наскрести больше сотни умников, способных с грехом пополам разобраться в теоретической части проекта. А уж *понять*... Доктор Праччимо как-то признался Гриве, что по-настоящему понимает весь этот многомерный континуум противоречивых связей и упорядоченного хаоса только его создатель, Федор Семенович Колосов. И понимает не обычным человеческим умом, а неким уникальным органом познания, который имеется только у самых безбашенных гениев.

Впрочем, для эксперимента не имеет ни малейшего значения, вник Грива в его суть или нет. От пули никто не требует знания баллистики. Ее задача – поразить цель. Вот и всё.

«Вот и всё, – думал Грива. – Вот и всё...»

Такое ощущение возникает, когда поднимаются стенки десантной капсулы. Несколько секунд напряженного ожидания... Потом железная птичка уронит «яйцо», мир закрутится взбесившейся центрифугой – и уже никаких чувств. Только кипящий в крови адреналин... Но эти несколько секунд беспомощности и неизвестности, когда от тебя ровным счетом ничего не зависит и неизвестно, что там, внизу... Не страх, нет. Есть такой термин – предстартовый мандраж. Но это слово Артёму не нравилось. Не мандраж – предвкушение: неизвестно, что будет, но будет оч-чень круто!

Прямо напротив, в большом зеркальном окне Артём видел собственное отражение: мускулистый парень в шортах, загорелый до черноты. Какой милый контраст с официальными костюмами больших шишек из «Аладдина» и «базовой структуры» – Международного координационного Центра по исследованию проявлений феномена спонтанной деструкции. Хотя не исключено, что у многих «шишек» под отутюженными пиджаками спрятаны плоские «фляжки» индивидуальных кондиционеров.

– Тожественность хромосомных матриц... Когерентный...

Артёму вдруг вспомнилась колдунья с «говорящей» тыквой – тетка, которая едва не продырявила его ножом. Может, зря они с Ирландцем замяли тот эпизод. Может, стоило взять красотку в оборот и вытрясти из нее, что там еще наболтали бабушкины косточки? Пристегнуть к делу еще один, как выразился батя, «магический алгоритм». Если уж шаманить, так

шаманить по-настоящему, по-шамански. Вспомнив колдунью, Грива, естественно, вспомнил и ее племянницу, «мадам мэр», темнокожую красотку с поистине африканским темпераментом. Вспомнил и улыбнулся. Что ж, если всё будет так, как предполагается, то по ту сторону его ждут еще более дикие черные красотки, истинные дочери Африки, не испорченные цивилизацией и тем, что в Запад-Европе называют политкорректностью.

– Эмпирический метод... Существенные отклонения статистических матриц...

Магия магией, а железа вокруг – на гектар. Здоровенная пирамида, а внутри «бублик» метров в сто диаметром. И на управление этим сооружением уйдет сорок восемь процентов мощности «Головастого». Очень внушительно, если знать, что на контроль и управление всеми космическими спутниками «Аладдина» хватает двух процентов.

– ...А почему саванна? – спросил кто-то из членов комиссии.

– Много свободного места, – ответил доктор Праччимо.

Надо полагать, первые человеческие слова, которые он произнес за последние полчаса. Почтенные члены комиссии слегка оживились.

– Чтобы избежать пространственного совмещения резидента с объектом достаточной плотности... – тут же поправился докладчик.

– С деревом, вы имеете в виду? – осведомился иронический голос.

– Именно. По этим же причинам вертикальная составляющая определена в двенадцать футов, что составляет около четырех метров.

– Иными словами, наш друг может материализоваться в двенадцати футах над землей?

– Да.

Члены комиссии поглядели на «резидента» с уважением.

– Точность определения вертикальной составляющей плюс-минус шесть футов, – сказал доктор Праччимо. – И место выбиралось с высокой точностью. К сожалению, нам пришлось выбирать между точностью пространственной и точностью временной. И поскольку первая в нашем случае приоритетна, то временная погрешность составляет около шести процентов.

– И сколько же это лет? – уточнил кто-то.

– Порядка трех тысяч.

Члены комиссии зашевелились. Даже самым большим шишкам международной политики трудно представить себе погрешность в тридцать веков.

Доктор Праччимо врал. Весь этот доклад – чистая «деза».

Хотя вероятность того, что Грива окажется в центральной Африке, была достаточно высока. По крайней мере всем посвященным очень хотелось верить в то, что после «выброски» «резидент» окажется на черном континенте планеты Земля, за пятьсот веков до изобретения кондиционера, у палеолитических истоков нынешнего человечества, но...

К сожалению, у госпожи Науки не имелось сведений о том, что пятьдесят тысяч лет назад на планете обитали разумные двуногие с третьим глазом на лбу, клыками, как у фокстерьера, и способностью вызывать у представителей вида хомо сапиенс сапиенс такую острую тягу к самоубийству, что никто из пообщавшихся с «трехглазым пессимистом» не смог поделиться впечатлениями со своими друзьями.

Никто, кроме Артёма Гривы, который, хоть и не получил от контакта с «пессимистом» ни малейшего удовольствия, хотя бы не помер. Правда, помер сам «пессимист». Теперь его нетленные мощи должны послужить для гигантской машины-«переносчика» примерно тем же, чем служит ключевое слово для поисковой системы.

В комиссии лишь немногие знали о «пессимисте». Для большинства присутствующих грандиозное сооружение вокруг конференц-зала было этакой «машиной времени». Никакой, извините, магии. Великие умы, высокие технологии и еще более высокие расходы.

Активировался дисплей справа от докладчика. На дисплее – один из умников доктора Праччимо.

– Оптимум, – лаконично сообщил он, покосившись на «генералов».

Праччимо остановил поток красноречия.

– Господа! – заявил он. – В нашем распоряжении шесть минут.

Члены комиссии дружно поднялись на ноги. Один за другим они подходили к Гриве, пожимали руку, желали удачи по-русски, по-испански, по-английски. Артём в свою очередь обещал оправдать доверие и так далее.

Последним подошел доктор Праччимо.

– Надеемся на тебя, – произнес он с достоинством.

– Постараюсь оправдать, – ухмыльнулся Артём. – Не забудьте вытащить меня через год.

– Не забудем. А ты уж постарайся, чтобы это был ты, а не куча старого львиного дерьма.

Нас всех это очень огорчит.

– Я сделаю всё, чтобы не огорчить вас, док, – ухмыльнулся Грива. – Слово офицера!

– До свидания...

Артём Грива

Двери закрылись, отделив меня от просторного конференц-зала. Но это была еще не «капсула» – «прихожая».

Здесь меня ждали мой непосредственный начальник специальный координатор Хокусай Танимура и Главный Консультант Центра и руководитель проекта доктор Сяо Сянь. Эти двое сделали всё, чтобы подготовить меня к «прыжку». Хотя как можно подготовить «неизвестно к чему, неизвестно где»? Я не испытывал благодарности. Для доктора я, скорее всего, лишь проходная пешка в большой игре спасения человечества. Кто я для Хокусая Танимуры, можно только догадываться. Но командир он превосходный. Уж в этом за восемь лет совместной работы я успел убедиться.

Доктор Сянь молча пожал мне руку. Хокусай обнял, шепнул на ухо по-русски:

– С Богом, Артём. Хотел бы я быть на твоём месте.

– Прошу меня извинить, Танимура-сан. Может быть, в следующий раз...

Хокусай отстранился, посмотрел на меня своими узкими самурайскими глазами:

– Держись, майор, мы в тебя верим! – и подтолкнул меня к люку, за которым меня ждала «капсула».

Собственно, никакой капсулы здесь не было. Высоченный зал с эллиптическим основанием. В одном фокусе – место для меня, в другом – голограмма «пессимиста». Образ, запечатленный в момент его возникновения в камере виртуального моделирования. Шестисекундная запись, гоняемая по кругу. Голый «сверхчеловек», распластавшийся на полу, сотрясаемый дрожью...

Не скажу, что это зрелище внушало бодрость. Не исключено, что очень скоро я сам стану таким же: голым и трясущимся.

Я слегка согнул колени, вытянул руки и замер в привычной «кунфушной» стойке. Постарался отключить мысли и сосредоточить сознание на том, что вижу...

В окружающей меня тысячетонной конструкции двумя спиралями раскручивались поля чудовищных напряжений. В одном из полюсов – я. В другом – Он.

Тишина. Темнота. Пустота. И содрогающееся тело с нечеловеческой, жуткой головой...

Я уже не знал, что я вижу: голограмму или визуализированный медитацией мыслеобраз...

И вдруг темнота взорвалась светом, сила тяжести исчезла, и я почувствовал, что лечу головой вниз в пропасть с желтым трепещущим дном...

Часть первая

Глава первая Дикая африка

Темнота взорвалась светом, таким ярким, что Артём невольно зажмурился, но все же успел осознать, что летит головой вниз, рефлекторно сгруппировался, треснулся спиной, покатился по чему-то колючему (ощущение было – словно его на ходу выкинули из вертушки), перекувырнулся раза три, распластался, замер и осознал, что – жив.

Он лежал в густой желтой траве. Сверху палило солнце, внизу была сухая, твердая земля. Саднящая боль в спине и знакомая тропическая жара, «облепившая» тело, как нельзя лучше убеждали в реальности окружающего мира.

«Метра два с половиной, – подумал Артём, – не больше. Повезло».

Да, ему повезло. Ничего не сломано. Пара ссадин, несколько царапин. Пустяки. И, главное, он живет и дышит, а вокруг...

А вокруг – не лунный пейзаж и не преисподняя, а нормальная саванна. Африка. Дикая Африка.

Артём встал на ноги, огляделся и присвистнул от восхищения. Впереди волновалось настоящее живое море. Тысячи и тысячи зебр, гну и прочих любителей травы.

Если у Артёма и оставались сомнения относительно успеха Проекта, то теперь они исчезли. Подобная красота в двадцать первом веке существовала только в Кении, а в Кении нет гор, похожих на те, что маячат сейчас на горизонте.

Судя по солнцу, сейчас около двух пополудни. Если считать, что он – в северном полушарии. В такое время лучше посидеть в тени.

Что там говорили компетентные специалисты? В прошлом на африканском континенте почти не было пустынь, а лесов, напротив, было намного больше. Ну-с, и где они, эти леса?

Ага, кажется, вот там что-то такое... Темно-зеленая полоса километрах в десяти или около того. Плоская саванна и раскаленный воздух здорово мешают определять расстояние.

Итак, он в Африке. Будем считать – в *земной* Африке, а не в каком-нибудь параллельно-перпендикулярном мире. Как там говорил батька: бритва Оккама. Отсекаем все фантазии, какие можно отсечь. Значит, Африка. Допустим, умники ничего не напутали и нынче – пятьдесят тысяч лет до Рождества Христова. Или около того. Предположительно, отсюда явился в мир галонета и геотермальных вышек «трехглазый пессимист». Предположительно, где-то здесь бегают и лупят друг друга по макушкам каменными топорами облаченные в звериные шкуры предки Артёма Гривы. Насчет шкур, впрочем, сомнительно. В такую жару... Перспективная задача: выяснить обстановку, собрать информацию... и выжить. Последнее – главное. А потому следует на время оставить глобальные цели и заняться более конкретными вещами. Например, поисками воды.

Вода в этой саванне есть.

Много воды, раз ее хватает, чтобы напоить все эти неисчислимые стада и табуны. И она должна быть сравнительно близко. В пределах десяти – пятнадцати километров. Вопрос: где именно?

Ответ: там, где растут деревья.

Артём еще раз проверился и убедился, что его организм перенес «прыжок» и падение вполне удовлетворительно. Даже сделанные из его собственных клонированных волос просторные шорты не порвались.

Итак, надо искать воду. Решение принято, направление выбрано. Действуйте, майор!
И Артём экономной рысцой двинулся к цели.

Спустя несколько минут он поравнялся с большим стадом зебр. Облепленные мухами полосатые лошадки недовольно косились на него и с фырканьем уступали дорогу. Серая пыль толстым слоем лежала на их круглых боках.

Шагах в ста расхлябанной походкой проковыляло несколько гиен. Ни Артём, ни зебры их не интересовали.

Солнце палило все свирепей и, казалось, поставило себе целью докрасна раскалить макушку Гривы. Посему, углядев справа купу акаций, Артём без раздумий свернул к ним.

Увы, место оказалось занятым. Прайд из четырех львов, расположившихся в благодатной тени, неторопливо наполнявших мясом объемистые желудки.

Здоровенные лысоголовые стервятники переругивались на нижних ветвях акаций. В этом ресторане свободных мест не было.

Лев и три львицы, возлежавшие около туши, одновременно подняли окровавленные морды и уставились на человека. Затем здоровенный самец с черной свалывшейся гривой очень неохотно прекратил прием пищи, зевнул и неторопливо двинулся к человеку.

Артём ретировался, а лев вернулся к трапезе.

Поспешно удаляясь от пирующих царей животного мира, Артём на ходу проанализировал поведение хищника и пришел к выводу: тот воспринял его не как добычу, а как не очень опасного конкурента. Вроде гиены. Значит, где-то рядом водятся любители мяса, внешне напоминающие Артёма.

Собственная сообразительность радовала. Но не защищала от солнца. И выводы напрашивались тоже... двойственные. С одной стороны, приятно встретить братьев по разуму. В общем-то, за этим его сюда и послали. Но хотелось бы знать, насколько интересно будет этим «братьям» встретиться с Артёмом Гривой. И не окажется ли их интерес исключительно гастрономическим?

Снабдить Гриву оружием не могли. Из клеток человеческого организма даже приличного ножа не вырастишь, поэтому, когда Артём углядел в траве длинную сухую палку, то прихватил с собой. На всякий случай.

И тут же обнаружил, что реакция травоядных на него изменилась. Теперь, когда он приближался к очередному стаду, ближайшие животные подавались в стороны, стараясь держаться подальше. Исключение составили гну. Эти выдвинули навстречу двуногому «силовую группу» в составе трех сердитых быков, и ретироваться пришлось Артёму.

Вывод: здешняя фауна не просто знакома с двуногими прямоходящими, но и умеет отличать человека с палкой от человека с голыми руками не хуже, чем опытная ворона отличает бабушку с кошелкой от мужика с ружьем.

В следующие полтора часа Грива не совершил никаких дополнительных открытий, зато достиг зарослей кустарника и углубился в них, воспользовавшись звериной тропой. Через некоторое время он учуял воду и вскоре выбрался к ручейку. Уповав на то, что его форсированный иммунитет справится со здешними бациллами, Грива испил мутноватой водицы, глянул на повисшее в зените солнце и решил, что сейчас самое время отдохнуть. Десятикилометровый марш-бросок под палящим солнцем довольно утомителен. Отойдя от ручейка метров на двадцать, Артём улегся в тени между двумя густыми и чрезвычайно колючими кустами, положил рядом палку и решил, что полтора часика сна не повредят его здоровью. Самые опасные хищники предпочитают охотиться по ночам, да и спит Артём достаточно чутко, чтобы успеть проснуться раньше, чем его начнут кушать.

Глава вторая

Человек и зверь

Снилось Артёму приятное: как сидят они с Ирландцем на пляже аладдиновской базы в Крыму и кушают свежесобранных устриц, запивая их молодым белым винцом...

А вот пробуждение Гривы было не столь приятным. Потому что проснулся Артём от ощущения чужого взгляда.

Он пружиной вскочил на ноги, сжимая в руке свое единственное оружие... и остолбенел.

Шагах в десяти стоял человек.

И не просто человек: мускулистый красавец, будто скопированный с рекламной голограммы. Более того, он совершенно определенно принадлежал к белой расе. Светлая борода, длинные, добела выгоревшие волосы, пронзительно-голубые спокойные глаза.

Бедрa незнакомца охватывала повязка из серой ткани, похожей на тонкий войлок, пережатая ремешком. У правого бедра незнакомца висел маленький топорик, у левого – небольшой кожаный мешок. В правой руке красавец-блондин держал длинное копьё с черным листообразным наконечником.

Артёму уже приходилось знакомиться с представителями племен, ведущими первобытно-общинную жизнь. И по гало-фильмам, и лично. Так что у него имелось кое-какое представление о внешности диких аборигенов.

Почти все они были низкорослыми, да и телосложение их оставляло желать лучшего. Обычное следствие близкородственных браков, несбалансированного питания и отсутствия регулярной медицинской помощи.

Рекламный супергерой в это представление не укладывался. Совсем не укладывался!

Пока Артём изучал супергероя, супергерой не менее внимательно изучал Артёма. Когда же небесно-голубые глаза остановились на «оружии» Гривы, красиво очерченный рот героя тронула легкая усмешка.

Артём поспешно бросил злополучный сук на землю.

Черт! У него было совершенно кошмарное ощущение нереальности происходящего. Нет, еще более абсурдно: смесь ощущения нереальности и «дежавю». Словно они уже когда-то встречались с этим белокурым красавцем и... И ни на чем не основанная уверенность, что парень не станет тыкать Гриву в живот своим замечательным копьём.

Словно в подтверждение этого ощущения супергерой улыбнулся широко и добродушно, переброшил копьё в левую руку, а правую протянул Гриве.

Тот, слегка обалдевший, машинально пожал ее. Незнакомец тут же отдернул руку. На загорелом лице выразилось недоумение. Он произнес несколько слов с вопросительной интонацией.

– Не понимаю, – сказал Артём по-русски. – Но безусловно рад встретить вас, сударь, в этом диком месте.

Если бы герой тоже заговорил по-русски, Гриве пришлось бы выбирать между трагикой происходящего или как грандиозной мистификации, или (что куда более вероятно) как помрачения его, Гривы, рассудка.

Но незнакомец ограничился тем, что внимательно выслушал Артёма и подал еще одну реплику. Похоже, уже на другом диалекте того же языка.

– Не понимаю, – Артём покачал головой.

Незнакомец тоже покачал головой, затем приложил руку к груди и произнес:

– Архо!

Вернее, «х'А'р'хо», с придыханием и маленькой паузой внутри.

– Артём! – в свою очередь представился Грива.

– Ар'том! – Незнакомец необычайно оживился, высыпал целую охапку слов, с огорчением убедился, что собеседник ничего не понимает, и умолк и перешел к языку жестов.

В последующие полчаса было выяснено:

Артём – один. Артём пришел издалека.

Архо живет близко – и вместе с друзьями.

Артём не имеет ничего против того, чтоб отправиться к друзьям Архо.

Как только последнее было выяснено со всей определенностью, Архо забросил за спину копье и, сделав приглашающий жест, двинулся по звериной тропе. Артём последовал за ним. Несколько минут он имел возможность любоваться бронзовой спиной Архо. Спина была мускулистая, испещренная светлыми полосками шрамов. Один шрам, довольно грубый, пониже правой лопатки, был длиннее других, и по обе стороны от него имелись характерные светлые точки. Эту рану когда-то зашивали, причем мало заботясь о косметике оставшегося рубца. Как ни странно, но эти следы от ниток что-то такое переключили в сознании Гривы – и ощущение нереальности пропало.

Кустарник сменили невысокие, тесно растущие деревья. Подножия их были усыпаны яркими пятнами цветов. Воздух гудел от множества летающих насекомых. Архо не обращал на них внимания, Артём – тоже. Помимо уже имеющегося иммунитета, Гриву вдобавок напичкали разной дрянью, и теперь он (правда, пока только теоретически) стал прямо-таки тошнотворен для любого кровососа.

Тропинка расширилась настолько, что спутники смогли рысать рядом. Архо тут же принялся за урок языка, начав с собственного тела.

Артём считал себя отличным лингвистом. Он с детства легко усваивал языки. Но язык Архо приготовил Гриве кое-какие сюрпризы. Например, нос Архо для Архо назывался иначе, чем нос Архо для Артёма.

Овладев анатомическим лексиконом, перешли к окружающим предметам, затем – к глаголам. Еще через полчаса Артём пытался строить предложения, изрядно развлекаая своего спутника.

Тропинка снова сузилась. Грива опять следовал вторым.

Услышав над собой шорох, он мгновенно отпрыгнул назад, опередив мягко ударившего оземь леопарда. Зверь недовольно зарычал. Кончик толстого хвоста нервно подергивался. Похоже, у хищника были определенные планы относительно Артёма. И отказываться от них зверь не собирался.

Подобрав задние лапы, леопард прижал брюхо к земле и вдруг с отрывистым рыком прыгнул на человека.

Подавшись в сторону, Артём (как учил Саваи) попытался ухватить хищника за загривок, но рука соскользнула. Леопард молниеносно развернулся и ударил растопыренными лапами. Артём отпрянул. Леопард прыгнул, с места – вверх. Артём успел ухватить его за шкуру на шее, но удержать не сумел. Сумел только отбросить раньше, чем когти задних лап полоснули по животу. Новый бросок – клыки лягнули в сантиметре от щеки Артёма, когти задели плечо. Этот зверь оказался куда проворней, чем те, с которыми тренировался Грива. Уход, новый прыжок, удачный удар кулаком в нос – леопард отпрянул, заурчал сердито, приготовился к новому прыжку...

Рука Архо решительно отодвинула Артёма в сторону.

Увидев нового врага, хищник злобно зашипел, прижал уши.

Архо ждал – спокойное лицо, черный блестящий наконечник у правой щеки...

Леопард все-таки решился и прыгнул. Удар тяжелого копья встретил его в воздухе и отбросил назад. Зверь забился на земле, грызя и царапая древко. Архо бесстрашно подошел к леопарду, ловко ухватил копье и вырвал его из раны. Леопард взвыл. Задние лапы его с треском ломали кустарник, брызжащая кровь пачкала шерсть и моментально впитывалась сухой

землей. Наконец вой перешел в хрип, мускулистое тело судорожно дернулось, вытянулось – и зверь затих.

Архо осмотрел наконечник и, видимо, остался доволен его состоянием.

Артём же глянул на свое плечо и увидел, что по коже алой лентой струится кровь. Впрочем, ранка была ерундовая: так, кожу порвало. Грива прилепил к царапине листок... Который Архо тут же отлепил и выбросил.

– Нет! – заявил он. – Листья – нет. Трогать – нет.

– Кровь, – сказал Грива. – Льется. Плохо.

– Хорошо! – возразил Архо. – Пусть.

Надо полагать, белокурый красавец по-своему, по-первобытному старался уберечь Гриву от инфекции.

Артём кивнул. Через полминуты кровь остановится сама.

– Хорошо, – повторил Архо, вручил Гриве копье, направился к леопарду и принялся сдирать с него шкуру острым осколком обсидиана, «вмонтированным» в костяную рукоять. Артём, воспользовавшись случаем, решил изучить оружие своего нового приятеля.

Общая длина копья была чуть больше двух метров. Черный, тщательно обработанный наконечник длиной сантиметров тридцать был довольно тонкий, зато широкий и с острыми краями. Тупой его конец был аккуратно посажен в паз на древке и укреплен бечевкой, похоже, растительного происхождения, накрученной аккуратными кольцами и промазанной блестящим клеем. Само древко тоже было обработано на совесть. Прямое и гладкое, оно в средней трети было обмотано тонкой шершавой кожей. Словом, тот, кто делал это копье, делал его с любовью и тщанием.

Архо ободрал шкуру и скатал ее в рулон. Затем топориком выбил из леопардовых челюстей клыки и спрятал в прицепленный к поясу мешок.

Оставив ободранную тушу хищника мухам, Архо тщательно вытер руки, пошарил в кустах, нашел какую-то траву и велел Артёму ее разжевать и приложить к ранке.

Артём возражать не стал, хотя вкус у травы был отвратительный.

Глава третья

Первобытное стойбище и его обаятельные обитатели

Близость стойбища Артём почуял издалека: дымом запахло. Сначала почуял, потом услышал: стук камня о камень, детские крики...

Детские голоса Гриву особенно порадовали. Значит, это обычный поселок, а не мужской военный лагерь.

Так и есть. Обычный поселок. Мирный. Ни частокола, ни даже изгороди из колючего кустарника. На очищенном от растительности пространстве кольцом стояли круглые хижины, сплетенные из лиан и ветвей и обложенные снизу валунами. За хижинами – белый песок. Берег реки.

И снова Артём испытал то же чувство, что и при первой встрече с Архо. Слишком чисто, слишком аккуратно.

Впрочем, ощущение это рассеялось, когда мимо них деловито протрусил шакал с костью в зубах. Еще один шакал выглядывал из кустов, наблюдая, как четверо совершенно голых мальчишек гоняют палками по поляне круглый предмет. Увидев Архо и Артёма, они прекратили игру и бросились к ним.

Архо тут же вручил двоим шкуру леопарда, а двум другим выдал какие-то поручения – и те побежали к хижинам. Отличные пацаны. Крепкие, загорелые дочерна. Именно загорелые, а не черные. Белобрысы головы недвусмысленно сообщают: негроидной кровью тут даже не пахнет.

Артём остановился и поднял предмет, которым они играли. Это был череп. Сначала Грива подумал – обезьяний, но, присмотревшись, решил, что для обезьяньего череп слишком велик, а зубы в его челюсти, наоборот, слишком малы. Интересные у пацанвы игрушки...

Тем временем на лужайке появились еще два аборигена. Один – здоровенный мужик с буйволиной шеей, могучими плечами спортсмена-гиревика и такой волосатой грудью, что трудно было определить, где кончается борода.

Второй – высокий парень лет семнадцати с голубыми глазами и тонкими, как у девушки, чертами лица, худощавый, но тоже отнюдь не задохлик.

Здоровяка звали Пута. Пута Бегемот, как уточнил с усмешкой Архо. Потому что рот у Путы такой же большой, как у бегемота. Пута тут же с охотой распахнул пасть, демонстрируя ее внушительные размеры, а заодно – отменный набор прекрасно сохранившихся зубов.

«Нет, – подумал Артём, – это чистая фантастика». У дикарей не может быть таких зубов.

Младшего звали Ван. Просто Ван, без дополнений и эпитетов. Ван глянул на поцарапанную руку Гривы и сказал: это надо видеть Ша-да-ква.

«Ша-да-ква», насколько мог судить Артём исходя из своего все еще весьма скудного словарного запаса, на языке аборигенов означало: вернуться-идти-далеко. Или что-то вроде этого.

Младший и Архо обменялись несколькими фразами, смысл которых Артём не уловил.

Затем Ван удалился.

– Ждать, – сказал Архо Гриве. – Ждать. После – входить в круг. Этот круг ты входить со мной – нет, с Путой – нет. Ты, я, он – человек-мужчина. (Последнее слово угадать было нетрудно, так как Архо пояснил его с помощью универсального жеста.) Круг – снаружи – нет. Круг внутри – да... – Тут красавец-абориген пустился в некие рассуждения, понять которые Гриве было не под силу. Впрочем, Архо вскоре заметил, что его новый знакомый не поспевает за его монологом, и сменил тему: рассказал Путе, как Артём дрался с леопардом. Рассказ сопровождался пантомимой, весьма артистичной.

Пута выслушал, поскреб светлую шерсть на груди и сообщил, что он однажды убил леопарда голыми руками. Схватил зверя за загривок и задушил. Впрочем, возможно, Артём его не

так понял, и речь шла о том, что Пута *может* так убить леопарда. Глядя на его ручищи, Грива мог охотно принять обе версии. Однако в заключение Пута заметил, что драться с хищником голыми руками – глупость. Можно получить рану, такую, как у Артёма, схватить горячку (Пута покраснел, зажмурился и часто-часто задышал) и впоследствии помереть (тоже изображено весьма наглядно), а потому следует использовать оружие. Вот такое, как это копье. Или хотя бы такой вот каменный топорик. Топорик Пута отцепил от пояса и вручил Гриве для ознакомления. Это была штукovina, несколько напоминавшая томагавк: короткая, сплюснутая и изогнутая наподобие бумеранга дубинка, в более широкий конец которой был «вмонтирован» небольшой острый камень. Если же Артём не умеет пользоваться такой вот штукой, то Пута его научит. Он, Пута, умеет это очень хорошо. Многих научил. Вот его (жест в сторону Архо) тоже научил.

Архо скептически улыбался.

Тем временем вернулись ребяташки. Остановились шагах в десяти. Глядели и слушали.

Солнце жарило немилосердно, но, похоже, жара беспокоила только Артёма. Он с вождением поглядывал туда, где сверкала вода. Но нарушать местный запрет глупо и опасно.

Наконец появился Ван. С ним – девушка.

Девушка была очень красивая, очень юная и, если не считать чисто символической набедренной повязки, совершенно обнаженная.

– Иди, – велел Архо, подталкивая Гриву к девушке. – Она тебя вести внутрь.

Девушка улыбнулась Артёму, решительно взяла его за руку и потянула к хижинам. Ее очень светлые волосы были уложены в подобие короны, а осанка – просто потрясающая. Грива был очарован.

Между двумя хижинами девушка остановилась.

– Стой. Жди, – велела она Артёму, нырнула в правую хатку и вернулась с чем-то вроде тыквы.

Внутри была обычная вода. Теплая, но вкусная. Грива выпил ее с удовольствием.

Девушка заулыбалась. Улыбка сделала ее еще красивее. Грива тоже улыбнулся. Он определенно нравился прекрасной аборигенке. Артём всегда чувствовал, когда женщины испытывали к нему симпатию.

– Меня зовут...

– ...Человек, мужчина, рука, рана, Шадаква, показать! – перебила Артёма девушка. Снова ухватила его за руку и повела к одной из двух хижин, занимавших почетное центральное место внутри круга.

Справа Артём увидел костер, у костра – женщину, а над костром, на вертеле, тушку какого-то животного. Ветерок донес запах жареного мяса, и Артём вспомнил, что последний раз ел часов шесть назад.

Хижина, к которой привели Гриву, выглядела солиднее прочих, хотя базовая конструкция была та же: деревянный каркас из неплотно пригнанных стволов, заплетенный лианами и «задрапированный» листьями.

Девушка вошла внутрь, оставив Артёма в одиночестве, и у него появилась возможность спокойно осмотреться. Пока очаровательная аборигенка была рядом, Грива смотрел только на нее. Не слишком правильное поведение для разведчика, но Артём нутром чувствовал: угрозы нет. Или это – от странности происходящего? Белые люди – в центре Африки. Африки каменного века...

Поселок занимал чуть больше гектара. Круглые хижины стояли кольцом вокруг расчищенной площадки, в центре которой имелись два дома побольше размером. У одного, тоже круглого, сейчас стоял Артём. Другой, несколько больше первого, имел в основании прямоугольник.

Девушка выскользнула из хижины:

– Войди, человек, – сказала она Артёму.

Отодвинув заменяющую дверь шкуру, Грива вошел внутрь, огляделся. Внутри было достаточно светло и существенно прохладнее, чем снаружи. С «потолка», сплетенного из лиан и тонких веток, свисали какие-то ремни и веревки. Посередине хижины упирались в потолок четыре столба, на стенах, опоясывая их примерно на высоте лица Артёма, были намалеваны три широкие полосы: синяя, белая и красная. Как на российском флаге, только в другой последовательности.

Вдоль стен лежали звериные шкуры, а сразу за порогом – растянутый на рамке меховой четырехугольник. Артём машинально вытер о него босые ноги.

– Войди.

Голос принадлежал человеку, расположившемуся в подобии гамака.

Когда Артём перешагнул через «половичок», человек поднялся ему навстречу. Это был высокий худой старик... Но двигался он совсем не по-старчески. И пластика у него была очень характерная. Такая была у китайского мастера цигун, работавшего инструктором в крымском релакс-центре «Аладдина».

– Твое имя Артём (он сказал Ар Т'ом), да? – Голос у деда был молодой, звучный, как у диакона. – Твое настоящее имя?

– Да.

– Ты не из народа Реки. Но ты знаешь нашу речь. Откуда?

– Утром не знал, – сказал Грива. – Узнал немного. От Архо.

– Быстро учишься.

– Да, – согласился Артём.

– Где земля твоих...?

– Кого? – не понял Грива.

– Отец, мать...

– А-а-а... Она далеко.

– Где?

Старик сделал еще шаг. Глаза у него были темные, брови тоже темные. Почему они не выгорели на африканском солнце?

Старик смотрел не мигая. Артём почувствовал слабое головокружение и легкое давление в области затылка. Симптомы знакомые. А дедушка-то, оказывается, экстрасенс-гипнотизер. Ну-ну...

– После, – сказал Грива, улыбнувшись как можно дружелюбнее. – Когда я узнаю больше слов, я расскажу.

– Если пожелаешь... – Давление исчезло. – Покажи мне свою рану.

– Она маленькая, – сказал Артём. – Не опасно.

– Маленькая, – согласился дед. – Но можно умереть. Я помогу. Ты не умрешь.

Грива вновь решил не спорить. Старик смазал его царапину жирной коричневой пастой и залепил древесным листом.

Потом пощупал шорты Артёма, хмыкнул неопределенно и сообщил:

– Меня зовут Шадаква. Но это не имя.

Артём промолчал.

– Я буду говорить с тобой много раз, – пообещал старик. – Ты останешься. Пусть люди узнают тебя, ты – их. Где твоё оружие? – внезапно спросил он.

– Его нет, – честно ответил Грива. – Нет оружия. И еды тоже нет.

Старик понял намек.

– Ты будешь есть вместе с нами, – разрешил он. – Иди. Архо научит тебя, как жить у нас.

– Хорошо, – ответил Грива. Он не знал, как сказать «спасибо», и вместо этого слегка поклонился. Шадаква поклонился в ответ.

– Я тоже пришел издалека, – сказал он. – Иди, Артём. Твое тело хочет воды. Он был прав, этот мудрый дедушка. Вода – это именно то, что нужно.

На первый взгляд река выглядела нормально. С одной стороны – песочек, с другой – обрывистый берег и буйные африканские джунгли. Но Грива видел достаточно тропических рек, чтобы посчитать эту – обычной.

В Африке, на равнине не может быть такой чистой и прохладной реки. В горах – да, но в буше на границе саванны... Может, тут песок какой-то особенный?

Грива зачерпнул горсть... Да уж! Песок действительно был особенный. Артём осторожно смыл его водой и убедился, что не ошибся. На ладони остались желтые блески. Золото. Ладно, Бог с ней, с водой. Может, тут ключи на дне или еще что-нибудь. Есть несообразности посерьезнее.

Грива сидел на берегу, опустив ноги в воду, смотрел на полосатых рыбок и размышлял.

Итак, он в прошлом. В Африке. На берегу реки, которой здесь не должно быть, в поселке дикарей, которые похожи на дикарей не больше, чем обитатели молодежного лагеря где-нибудь в Подмосковье... И вместе с тем это действительно Африка. И леопард, который на него напал, – настоящий. И копье, которое убило хищника, тоже настоящее. И мухи, выющиеся над дохлой рыбешкой, – тоже...

И вот он, Артём Грива, незнакомец, сидит тихонько на берегу местной реки – и никому до него нет дела. Даже детишки к нему не пристают. Тоже непонятно. В любом африканском или южноамериканском туземном поселке вокруг него уже толпились бы любопытные.

Либо здесь принято уважать чужое уединение (это в первобытном-то обществе!), либо гости, подобные ему, в поселке настолько привычны, что на них уже не обращает внимания даже детвора. И все настолько доверчивы, что никто даже не предполагает, что гость может быть лазутчиком чужого племени, нацелившемся на это райское местечко.

Что это? Уверенность в собственной силе или беспечность?

Или принцип «человек человеку волк» здесь не работает?

Допустим, здесь всем всего хватает. Мясо бегают поблизости в неограниченном количестве, фрукты растут на деревьях, одежда не нужна, потому что тепло, а крышу над головой, если понадобится, можно соорудить за день... Нет конфликтов, потому что нечего делить? Но ведь человеческая природа такова, что повод для раздора всегда найдется. Скажем, понравится двум мужчинам одна и та же девушка. Да просто лучший кусок мяса...

Объяснить, конечно, можно.

Например: у племени суровый вождь, держащий всех к кулаке. Возможно... но маловероятно. Аборигены не выглядят пришибленными.

Еще один вариант: четко регламентированные обычаи и правила.

Бывает, что в небольших сообществах (а судя по количеству и размерам хижин, в племени вряд ли больше двух сотен человек) существуют очень жесткие нормы поведения. Вот это возможно...

А возможно, эти белокурые бестии лишь внешне выглядят как собратья Артёма по биологическому виду. А на самом деле...

Артём услышал шуршание песка, но не обернулся. Звук не таил угрозы.

Двое мужчин вошли в реку метрах в пяти от него. Минуты две они простояли по пояс в воде: пили, переговаривались... Потом одновременно нырнули и поплыли к противоположному берегу, более высокому и обрывистому. Плыли чем-то вроде брасса и довольно быстро, сильно забирая влево, чтобы компенсировать быстрое течение. Интересно, водятся ли в этой реке крокодилы? Судя по тому, как беспечно купаются аборигены, – вряд ли...

Туземцы выбрались на противоположный берег и принялись развлекаться: взбирались на корявое дерево, нависшее над рекой, и сигналы оттуда в воду. Прыгали без затей, с шумом и брызгами, под возмущенные вопли обезьян.

«Будь проще», – сказал себе Артём, стянул с плеча повязку и бросился в реку.

Вода была удивительно прохладная. Ледник? Артём посмотрел туда, где синели горы... Нет, вряд ли, слишком далеко. Наверное, какие-нибудь подземные ключи.

Сбоку раздался громкий всплеск, фыркание... Грива мгновенно развернулся... Но это был не зверь – Пута. Здоровяк захохотал, обрадованный, что удалось испугать Артёма, и тут же устремился к противоположному берегу.

Грива поплыл за ним, кролем, и через полминуты вырвался вперед. В Императорской школе Артём входил в десятку лучших пловцов, но тут ему пришлось постараться, чтобы не дать Путе первым достичь берега.

– Смешно плаваешь, – заявил тот, шумно отдуваясь. – Будешь так плавать в другой воде – тебя съедят.

Прыгуны заметили их и призывно замахали руками.

– Пошли, – сказал Пута. – Прыгать.

Прыгунов звали Хаала и Батани. К Артёму они отнеслись дружелюбно, но без особого интереса. Они наперегонки, очень ловко взбирались на дерево, пробегали по нависающей над водой горизонтальной ветке и бултыхались в воду, стараясь поднять как можно больше брызг.

Артём тоже разбежался как следует, крутанул сальто и вошел чисто, как нож в масло.

Вынырнув, с удовольствием убедился, что сумел произвести впечатление. Хаала, молодой парень, сложенный как гимнаст, с ходу попытался повторить прыжок, треснулся о воду спиной, обиделся и уплыл, а Батани и Пута остались и через полчаса научились вполне сносно прыгать «ласточкой». Как выяснилось, раньше им просто не приходило в голову, что можно нырять головой вниз.

Артём смотрел на них и удивлялся. Эти двое мужчин вели себя с поистине детской неприужденностью.

– Ар-тём! – донеслось со стороны поселка.

– Иди, – сказал Пута. – Архо зовет.

Архо звал не просто так – обедать.

У входа в одну из хижин на корточках сидела женщина лет тридцати – тридцати пяти (по меркам двадцать первого века) в кожаном переднике. Перед ней горел костер. В середине костра лежал плоский камень. На нем, как на сковородке, шипели тонкие ломтики мяса. Рядом на широких листьях лежала кучка уже готовой жаренки.

– Мы голодны, мать, – сказал Архо.

Женщина пробормотала что-то – Артём не понял.

Архо засмеялся, откинул входной полог:

– Входи, – сказал он Гриве.

Конструктивно эта хижина была очень похожа на дом Шадаквы, но здесь было намного светлее – верх «крыши» был раздвинут, просвет прикрыт кожаным «тентом», защищавшим от солнца.

Архо взял прислоненную к стене раму на четырех деревянных ножках и поставил посреди хижины, положил сверху жесткую, как фанера, толстую шкуру.

– Кто? – спросил Грива.

Архо назвал зверя. Потом изобразил рога, бороду и хвост с кисточкой. Гну.

В хижину вошла его мать, неся жареное мясо на плоском глиняном блюде, а следом за ней, с фруктами и зеленью, девушка, которая провожала Артёма к Шадакве.

Увидев Гриву, она на мгновение замешкалась...

– Даша, – наконец-то представил ее Архо. – Дочь моей матери Пангун.

Вообще-то имя девушки звучало как Д'ша, но Грива решил, что будет звать ее именно Дашей. В крайнем случае Дашенькой – когда разберется со здешними суффиксами.

– Рад знакомству со столь очаровательной девушкой, – произнес Грива по-русски. – И с вами, госпожа, – он повернулся к Пангун. – Ваша стряпня пахнет восхитительно!

Разумеется, слов они не поняли, но уловили общий смысл.

– Кушать, – добродушно проговорила старшая. А младшая без всякого смущения коснулась ладошкой груди гостя:

– Тебя звать – как?

– Артём, – ответил Грива.

– О!

Позже, когда Артём получше узнал язык людей Реки, он понял, почему его имя вызывало такой повышенный интерес. Ар Т'ом на здешнем языке означало что-то вроде «Первый Свет». Причем не просто первый, а первичный, породивший все прочее «освещение» на земле. В общем, человека с таким именем никто не рискнул бы упрекнуть в скромности.

– Кушать! – повторила Пангун.

Они устроились около стола: Пангун и Даша – по-японски, на пятках, Архо – на корточках, Грива – скрестив ноги.

Ели в молчании. Съели всё, включая листья, на которых лежало мясо.

– Сыт? – спросил Артёма Архо.

– Да.

Мясо было бы совсем неплохо отбить, а также добавить соли и специй, но, как говорится: «голод – лучший кулинар».

– Отдыхать, – сказал Архо. – Твое место, – он указал на ложе, представлявшее собой шкуру, натянутую на деревянный каркас на шести ножках. Сам он устроился на соседней лежанке, предварительно избавившись от пояса и набедренной повязки. А напротив Гривы, столь же непринужденно разоблачившись, улеглась Даша. А чуть позже появилась Пангун и, скинув фартук и повязку, заняла лежанку у входа. Легла – и тут же уснула. Ну да, в такую жару естественно спать обнаженными, однако...

Однако заснуть Грива не смог. Надо полагать – избыток впечатлений.

Артём посмотрел на Дашу. Девушка спала на боку, повернувшись к стене хижины. Изгиб ее спины был безупречен. Архо спал на животе, положив голову на согнутую руку. Что-то в его позе, в расслабленности мышц было такое... настороженное. Звериное. Как будто он готов в любое мгновение вскочить на ноги. У друга Артёма, Сереги Буркина, жила среднеазиатская овчарка. Вот она спала так же: чуть что – и уже атакует.

А вот Пангун спала на спине, безмятежно, даже тихонько похрапывая. Одна рука «целомудренно» прикрывала низ живота, вторая свешивалась вниз, до земли. Волосы были мокрыми. Наверное, выкупалась перед тем, как лечь. Роскошная женщина. Интересно, сколько ей лет? Выглядела она немногим старше Гривы, а ведь ее сын Архо – взрослый мужчина с бородой. Впрочем, она могла родить его лет в тринадцать. В «диких» сообществах это нормально. Но в «диких» сообществах нормально и то, что женщины очень быстро теряют всякую привлекательность. В сорок – уже старухи.

Ничего, пройдет недели две, Артём выучит местный язык и понемногу разберется в местных обычаях, матримониальных и прочих. Однако ж, женщины здесь чертовски привлекательны. Да и мужчины отнюдь не уроды. Интересно, как выглядит Грива в глазах аборигенов? Должно быть, – на фоне местных «викингов» – не очень презентабельно. Невысокий, чернявый, с «азиатскими» скулами. Натуральные викинги, насколько знал Грива, чернявых не жаловали. У них были свои каноны красоты, в которые Артём не укладывался. Впрочем, викинги вообще не жаловали чужаков, а здешние его приняли достаточно радушно. На удивление радушно... Может, всё не так просто, как кажется. Может, это радушие хищника, започувшего нежданный завтрак? Грива был в курсе, что в современной ему Африке были пле-

мена, тоже принимавшие случайно забредшего туриста с уважительным вниманием... Чтобы впоследствии сделать его главным праздничным блюдом.

Нет, вряд ли. Уж настолько-то Грива в людях разбирался. Даже если эти люди – первобытные...

Спать совсем расхотелось, и Артём поднялся. Едва его ноги коснулись земли, Архо открыл глаза... Но тут же снова закрыл. Явный признак доверия.

Артём покинул жилище. Снаружи было тихо и очень жарко. Грива вышел из круга хижин и увидел двух молодых аборигенов, разместившихся в тени акации. На коленях одного из них покоилась светловолосая головка девушки – ровесницы Даши. Девушка спала, парни – нет. Гриву они безусловно заметили. Но препятствовать его желанию покинуть поселок не стали. Тоже хороший признак: значит, он не пленник. Впрочем, не факт. Они же здесь все – охотники-следопыты. Если понадобится – найдут запросто. Впрочем, убегать Грива не собирался. Просто хотел немного побродить по окрестностям.

Вернулся он часа через три, когда солнце уже садилось. Во время прогулки Артём выяснил любопытную вещь: в окрестностях поселка не наблюдалось животных крупнее шакала. Ни травоядных, ни хищных.

По пути Гриве встретились трое охотников. Двое несли на шесте упитанную газель Томпсона. Третий волок на плечах молодого, но весьма увесистого подсвинка-бородавочника. Этот третий, увидев Гриву, с удовольствием сбросил подсвинка на землю и что-то спросил.

– Не понимаю, – на местном языке ответил Артём.

– Ты – издалека? – спросил охотник, учтя ограниченные лингвистические возможностей Гривы.

– Да, – ответил Артём. – Сегодня пришел. Помочь? – Он кивнул на бородавочника.

– Помоги, – согласился охотник.

Грива вскинул тушу на плечи. Подсвинок тянул килограммов на сорок. Абориген тащил его не меньше нескольких километров. Вдобавок он нес еще и оружие. Крепкий малый, ничего не скажешь.

В поселке уже разжигали костры. Антилопу и подсвинка освежевали и разделили на всех. Делили охотники. «Семейству» Пангун (к которому теперь официально относился и Грива) достался кусок свинины килограммов на пять.

Глава четвёртая

Страшные сны и невозможная реальность

– Чужой, – сказал Шадаква. – Ты здесь чужой, ты – колючка в лапе льва.

Трёхглазый возвышался у него за спиной и кивал. Лицо у него было зеленовато-серое, как у мертвеца, а мутное око над бровями казалось мятиной от страшного удара, проломившего лобную кость.

– Вреши! – возразил Артём. – Я – не колючка, я – человек!

Шадаква расхохотался.

– Ты – свет смерти! – заявил он. – «Погибель» – твой знак. «Разрушитель» – твоё имя. Твоё рождение – песнь хаоса. Твой приход – конец мира.

– Я – свет! – возразил Артём. – Свет – это жизнь!

Шадаква снова захохотал.

– Свет? Жизнь? Для слепых?

– Я – зрячий! – заявил Артём. – И ты тоже! Это он – слепой! – Артём показал пальцем через плечо Шадаквы на трёхглазого: – Он – слепой!

– Ты ослепил меня, – губы трёхглазого не шевелились, но это сказал он. – Верь ему, он знает, – рука с нечеловечески длинными пальцами легла на тощее плечо Шадаквы. – Верь ему, сокрушитель границ. Он – Шадаква, двести шестой сторож равновесия. Верь ему, ибо ты – его гибель. Ты пришел, чтобы сменить его.

– Я пришел не к нему, – возразил Артём. – Я не хочу оставаться здесь. Я узнаю, кто ты такой, – и вернусь в своё время!

– Он – ангел! – сказал Шадаква.

– Ты шутишь? – спросил Артём. – Посмотри на него: какой он ангел?

– Твой, – сказал Шадаква и захихикал.

– Круг будет разорван, – беззвучно произнес трёхглазый. – Возвращения нет. Есть новый виток спирали. Ты есмь альфа и омега. Я есмь алфа и омега. Он... – Трёхглазый встряхнул Шадакву так, что голова его дернулась, будто у куклы, глаза закатились. – Он – часть цепи, – белесое око на лбу шевельнулось – будто улитка в раковине. – Ты – связующее звено.

– Почему я здесь? – спросил Артём. – Я шел не к нему, а к тебе. Мой мир гибнет...

– Твой мир еще не родился, – трёхглазый отпустил Шадакву, и тот снова захихикал.

– Почему Шадаква смеется? – спросил Артём.

– Потому что ты его убил.

Артём открыл глаза и увидел над собой озабоченное лицо Архо.

«Что-то такое мне снилось... Что?» – попытался вспомнить Грива.

Ему все время что-то снилось. Какие-то кошмары... И каждый раз, проснувшись, он помнил только, что это был кошмар...

– Я опять кричал, да?

– Полуденная ошо легла с тобой, – сказал Архо.

– Кто, кто?

– Полуденная ошо, незримая дочь белой земли и черного солнца.

– Однако... – по-русски пробормотал Грива, садясь на лежанке и потягиваясь. – Исчерпывающее объяснение.

– Я не привык спать днем, – сказал он на местном языке.

– Днем хорошо спать, – возразил Архо. – На рассвете хорошо охотиться, а в полдень – спать. Жарко.

– Вот тут ты прав, – согласился Артём. – Пойдем искупаемся?

– Пойдем, – согласился Архо. – Будем ловить рыбу на ужин. Я тебя научу.

– Хорошо, – кивнул Грива.

Слова «я тебя научу» за те шесть дней, что он прожил в поселке, стали для него привычными. Но главное, что учил Артём, это местный язык. Сложность этой задачи оказалась еще выше, чем предполагал Грива. Как говаривал его преподаватель в Высшей школе: когда освоишь десятка полтора языков, и с остальными проблем не будет. Свои полтора десятка Грива одолел еще до того, как попал в Департамент внешней разведки. На английском, испанском, французском, японском, иврите, голландском он говорил не хуже, чем на русском. Это был минимум, необходимый для работы. Кроме того, для собственного развлечения он выучил латынь, греческий и санскрит. Намеревался заняться вьетнамским, корейским и китайским, но не успел. Зато в его памяти уже хранилось не меньше дюжины одних только африканских наречий. И не меньше полусотни различных диалектов. Развитая мнемоническими упражнениями память усваивала новые слова с первого произнесения.

А тут – язык какого-то первобытного племени. Грива полагал, что уже через пару недель будет общаться на языке аборигенов без всяких проблем.

Не тут-то было.

Язык «дикарей» оказался не просто трудным. Он был невероятно, чудовищно сложен. Например, каждый глагол в нем имел от трех до двенадцати значений. А может, и больше. Следовало учитывать всё: контекст, высоту тона, эмоциональную окраску... Чуть ли не время суток. А определить какое-нибудь простейшее состояние организма, например усталость, можно было полусотней разных слов. Откуда мог возникнуть такой язык у первобытного племени, не знающего письменности? Безумие какое-то...

Впрочем, для посторонних существовал упрощенный, «детский» вариант. Именно ему и обучал Архо Гриву. Артём назвал его детским, потому что в племени им пользовались только детишки лет до двенадцати. И еще на нем местные говорили с гостем. Даже этот вариант был избыточным для простейших потребностей жизни в стойбище, а когда Артём понял, что это всего лишь упрощенный диалект...

Внутренний голос, и раньше нашептывавший хозяину: «этого не может быть...», уже не шептал, а вопил.

Этого не может быть.

Но – было. Четыре десятка взрослых обитателей стойбища пользовались языком, сложность которого соответствовала, на взгляд Артёма, не племени дикарей, а элите какой-нибудь развитой цивилизации с тысячелетней историей.

Может, они и впрямь были реликтом такой цивилизации? Грива готов был допустить и такое, но в этом языке, имевшем девятнадцать определений для оттенков заката, не было слова «колесо». Хотя, кто знает, может быть, и слово, и само колесо были аборигенам известны, а не используются просто потому, что не нужны. Например, пару дней назад Грива имел возможность наблюдать весьма любопытное действие. Одна из женщин племени подхватила какую-то местную заразу – и Шадаква вылечил ее... с помощью бани. Выглядело это так: из шкур соорудили нечто вроде шатра. Вокруг развели несколько костров, в которых раскаляли камни, которые поочередно закладывали внутрь шатра, время от времени обрызгивая водичкой.

Учитывая наружную температуру (тропики, как-никак), внутри шатра должно было быть градусов сто пятьдесят по Цельсию. Но болящая, как ни странно, не померла, а выздоровела.

Утром шатер разобрали, вокруг подмели, посыпали свежим песочком – и всё стало как раньше. В этой работе участвовало человек десять, похоже – по собственному почину. По крайней мере Артём не видел, чтобы кого-то приглашали к участию, а уж тем более – принуждали. Вообще, складывалось ощущение, что в племени каждый делает, что пожелает. Если и существовали какие-то ограничения, то исключительно для детей и подростков. И никаких конфликтов. Вообще никаких.

Артёму вспомнилось, как незадолго до «прыжка» он летал в Бразилию: знакомиться с «бытом» тамошних лесных индейцев. С ним, помимо телохранителей, отправился полувзвод бразильских коммандос. Грива удивился, но, познакомившись с индейцами, понял, почему правительство Бразилии решило снабдить уважаемого гостя такой солидной охраной.

Поселок индейцев они нашли на третий день. Это было что-то вроде кольцевой беседки, внешняя сторона которой представляла сплошной частокол, а крышей служили пальмовые листья. Под беседкой к вкопанным в землю столбам были привязаны гамаки. Какие-либо внутренние перегородки отсутствовали. В этой первобытной «крепости» обитало человек двести, а шум стоял, как в обезьяннике. И пахло примерно так же.

Гости вручили вождю дары – и получили разрешение разбить палаточный лагерь рядом с поселком. Но не успели они поставить палатки, как на «арендованную» территорию явились несколько десятков аборигенов, и только благодаря жесткому отпору коммандос имущество удалось спасти от разграбления.

Будь с Гривой только проводник и телохранители, пришлось бы пустить в ход оружие.

Вопреки сложившемуся стереотипу о «бесстрастности» индейцев, эти лесные жители были весьма скандальным народцем. За два дня Грива наблюдал не меньше десятка драк, в две из которых были вовлечены три четверти аборигенов. Возникшая по поводу какой-то ерунды «дуэль» на дубинках закончилась смертью одного из участников. Причем прикончил его не противник, а вождь, которому не понравилось, что побеждает не тот, за кого он «болел».

Убитого оттащили подальше и оставили падальщикам, а часа через два из «крепости» вышли трое мужчин, восемь женщин, сгибающихся под тяжестью поклажи, десятка полтора детей и дюжины три черных тощих свинок – семья убитого, которых вождь выгнал из племени.

– Этот – добрый, – пояснил на плохом испанском проводник Гривы. – Злой – убил бы всех.

– Зачем? – удивился Артём.

– Чтобы они не убили его, – сказал проводник. – Месть. Добрый вождь. Потому что сильный. Не боится.

Выяснилось: родственники покойного присоединятся к соседнему племени, заплатят им выкуп – свиньями и женщинами – и попытаются подбить своих новых соплеменников напасть на прежних. Но те вряд ли захотят связываться с сильным противником.

Изучать на примере этой банды быт примитивных народов было сложновато. Главным образом потому, что большая часть их орудий труда (топоры, посуда, ножи, фляги и прочее) была куплена или украдена у более цивилизованных представителей хомо сапиенс. По просьбе Гривы (и за мзду в виде карманного фонарика) один местный умелец продемонстрировал искусство изготовления каменного топора: вырубил из древесного ствола дубинку, проковырял в ней дырку клыком пекари, зажатым в собственных зубах, запихнул в дырку камень с узким концом, доведенным до приемлемой остроты с помощью другого камня.

Как понял Грива, основным развлечением индейцев были драки. Между собой, с соседями, с оседлыми в речной долине... Продавать этим дикарям огнестрельное оружие было запрещено, но стрелы, топоры и дубинки тоже весьма эффективно прореживали популяцию. Мужчин было заметно меньше, чем женщин, хотя среди младенцев мальчиков было большин-

ство. И это притом, что родившихся девочек частенько убивали. Может, смерть была для них и лучшей участью: с женщинами в племени обращались хуже, чем со свиньями.

Грива понимал, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но все же поинтересовался у начальника командос: почему правительство допускает все эти убийства? Или правительство не в курсе?

Оказалось, в курсе. Но Международное антропологическое общество платит хорошие деньги за то, чтобы правительство не вмешивалось в «дикую жизнь» лесных племен. От туристов тоже неплохие доходы. В этом году это уже четвертая экспедиция в «девственную» сельву.

Артём оторвался от воспоминаний, посмотрел на точеное личико Даши, сосредоточенно выскребающей шкуру зебры, и снова подумал: нет, такого просто не может быть. Не бывает таких дикарей...

Не бывает, но вот они, прямо перед ним: умные, сильные, щедрые, доброжелательные...

«Всё равно этого не может быть... – бубнил внутренний голос. – Что-то здесь не так, неправильно...»

«Заткнись», – велел ему Грива.

И голос заткнулся. Ненадолго.

Глава пятая

Правила охоты в каменном веке

Артёму подарили «малый джентльменский набор дикаря-охотника»: копье, каменный топор с рукоятью из заостренного рога антилопы, кремневый нож на деревянной ручке, мешочек с крючками, иглами и прочей мелочью и кусок белого плотного материала, похожего на тонкий войлок: надо полагать, для набедренной повязки. Эту ткань делали из какого-то местного растения, которое сначала сплетали, потом размачивали, отбивали на камне, высушивали и снова отбивали.

Грива счел, что подарок сделан с намеком: мол, довольно бездельничать, пора заняться настоящим мужским делом. То бишь охотой.

Как выяснилось позже, никакого намека не было. Просто у аборигенов взрослый мужчина, разгуливающий без оружия, вызывал примерно такое же ощущение, какое вызвал бы человек с копьем, прохаживающийся по Невскому.

Копье Артёму, в индивидуальном порядке, подгонял один из местных оружейников по имени Макан. Это был мрачноватый толстый человек с рыжей бородой, частично прячущей уродующие лицо шрамы. Лицу, впрочем, досталось меньше, чем ногам. Передвигался Макан с трудом. Не ходил – ковылял. Взглянув на его ноги, Грива решил, что местная медицина намного толковее, чем он предполагал, если человека с такими ранами удалось спасти.

Макан побывал в лапах зверя, именуемого г'ши. Другие охотники отвлекли хищника и не дали ему дожевать Макана. По просьбе заинтересовавшегося Артёма Архо нарисовал на земле этого самого г'ши. На рисунке тот выглядел помесью гиены, медведя и носорога. Артём поинтересовался, нет ли где в поселке шкуры г'ши? Ему хотелось, из чистого любопытства, поглядеть на истинно доисторическое животное.

Архо сказал, что шкуры г'ши в поселке нет и быть не может.

– Почему? – спросил Грива. – Его нельзя убивать?

«Может, это какое-нибудь табу?» – подумал он.

– Убить – можно, – ответил Архо. – Но глупо. Г'ши ведь тоже убьет кого-нибудь.

Г'ши, искалечившего Макана, тоже не убили. Отвлекли. И Макан не умер. Пусть он теперь не может охотиться, зато руки у него в порядке, и копья он делает даже лучше, чем второй поселковый оружейник Фопар. Вот и Артёму сделал очень хорошее копье. А топор делал Фопар. Тоже очень хорошо сделал. Не желает ли владелец опробовать новое оружие?

Владелец желал. И опробовал. Сразу выяснилось, что брошенное им копье не способно убить даже неподвижно сидящую крысу на дистанции в двадцать шагов. А каменный топор, которым любой местный подросток прибил бы муху на расстоянии пятнадцати метров, посланный рукой Артёма, ударился о ствол чем угодно, только не острием. Если вообще ударился. С ножом дело обстояло немного лучше, но каменный нож – не слишком серьезное охотничье оружие. Разве что пыль у зебры со шкуры стряхнуть.

Правда, на близком расстоянии Грива управлялся с копьем довольно уверенно. Но по опыту своей единственной прогулки по саванне Артём знал, что потенциальная добыча человека с оружием близко не подпустит.

Архо минут сорок наблюдал за неуклюжими попытками Артёма овладеть бросковой техникой, потом не выдержал, приволок кожаный мешок, туго набитый листьями, привязал его к ветке и с традиционным «я тебя научу» продемонстрировал азы обращения с метательным оружием. Копье, посланное им, уверенно поражало цель на дистанции до шестидесяти метров. Попади Архо в тот мир, откуда пришел Артём, звание олимпийского чемпиона охотнику было бы обеспечено. Топорик не был столь «дальнобойным», но с двадцати шагов Архо вгонял его точно в центр раскачивающегося мешка.

Тем не менее в следующую охотничью экспедицию он Артёма взял.

Выступили еще до рассвета, в сумерках. Отправились вчетвером: Архо, Батани, Пута и Артём.

Маршрут Гриве был знаком: по этой тропке он шел в свой первый день после «прыжка».

За восемь дней саванна ничуть не изменилась. Ее обитатели – тоже. И меньше их не стало. Казалось бы, подходи к любому стаду, выбирай самочку пожирнее – и бей.

Не тут-то было. Стоило четверым представителям хомо сапиенс направиться к какому-нибудь стаду – и животные тут же отодвигались метров на сто. Если стадо было достаточно большим, то в нем образовывался проход соответствующей ширины. Отодвигались только ближайшие копытные. Те, что подальше, продолжали невозмутимо пастись.

Так охотники гуляли около часа. Вдруг Пута оживился: заметил гепарда.

Батани рассмеялся и сообщил Артёму, что Пута – самый ленивый охотник в округе. Даже большой лев не так ленив, как Пута. Архо же обратил внимание сородича на гепардово брюхо. Брюхо было полное, и Пута разочарованно вздохнул. Сытый гепард не станет охотиться, а следовательно, отнять у него добычу тоже не удастся.

Гепард – очень хороший охотник. Но с четырьмя людьми драться не станет. Тем более – сразу после охоты. Гепард бежит очень быстро, сказал Архо, и от этого очень устает. Совсем не может драться.

Наконец они нашли то, что искали. Молодую антилопу с витыми рогами и свежей раной на задней ноге. Кто испортил антилопе шкуру, сказать было трудно, но трое аборигенов мгновенно «взяли цель».

– Ты ждешь, потом идешь к ней, – сказал Гриве Архо. – Просто идешь, и все. Потом кричишь. Громко. Понял?

Артём кивнул.

Охотники разошлись – двинулись сквозь стадо, беря подранка в кольцо.

Артём оставался на месте: следил за охотниками, мелькающими между антилопами. Минут через десять он решил: пора. И двинулся прямо к подранку. Антилопы, без особой спешки, раздались в стороны. Подранок тоже отступил. Грива шел за ним, особенно не торопясь, но антилопа, вероятно, почувствовала, что человек интересуется именно ею, и прибавила ходу, оторвавшись сразу метров на двести, и попыталась затеряться между товарками. Не получилось. Расстояние снова сократилось. И снова увеличилось.

Антилопа сделала еще одну попытку «смешаться с толпой», но между нею и стадом внезапно обнаружился Батани. Антилопа шарахнулась... И едва не угодила под бросок Путы. Здоровяк метнул копьё метров с сорока. Промажнулся. Вернее, антилопа сумела увернуться. И бросилась в «просвет» между Артёмом и Батани.

Артём понял, что его время пришло, и заревел, как дикий осел. Антилопа шарахнулась от него... Под бросок Батани. Копьё ударило антилопу в бок, но вскользь, не пронзив, а лишь оцарапав. Антилопа подскочила метра на два, развернулась и бросилась в противоположную сторону. А там... Там было свободно!

«Где же Архо?» – успел подумать Артём.

И Архо появился. Возник из травы прямо на пути животного. Антилопа метнулась в сторону, но поздно. Копьё вонзилось ей в шею. Антилопа издала тонкий протяжный вопль, подпрыгнула еще раз – и упала. Когда Грива и Батани подошли к животному, антилопа была уже мертва. Копьё Архо повредило ей позвоночник.

У Путы было самое толстое копьё, поэтому его и использовали для переноски. Связали ремнями ноги антилопы, просунули между ними копьё, закрепили еще одним ремнем, после чего Пута и Архо вскинули ношу на плечи и бодрой рысцой устремились к лесу. Грива сначала не сообразил, почему они торопятся. Понял, когда за ними увязалась стая гиен. Мерзкие

твари (сначала их было четыре) тащились следом, нюхали траву, издавали разные противные звуки... Впрочем, пока их было четыре, они вели себя относительно вежливо. Стоило Батани развернуться и погрозить копьём – тут же отставали шагов на пятьдесят. Но когда к четверке присоединились еще шестеро, зверюги резко обнаглели: взяли охотников в кольцо. Три твари преградили дорогу, а потом все одновременно бросились на людей. То есть это Грива решил, что на людей. На самом деле целью атаки была антилопа. Две пятнистые зверюги отвлекали Артёма, а тем временем третья, размером побольше кавказской овчарки, проскочила мимо и с разбега вцепилась клычищами в тушу.

Пути и Архо не смогли удержать «переноску», и проворная тварь поволокла ее прочь, а оскаленные пасти ее товаров преградили путь людям.

Гиены довольно ловко уворачивались от ударов копий, норовя при этом вцепиться в древко.

Брошенный Путой топор, перехваченный на лету, хрустнул в могучих челюстях.

Но всерьез звери не атаковали. Их задачей было помешать людям отбить добычу.

Возможно, Артёму следовало проявить осторожность и не лезть на рожон из-за какого-то мяса, но ему уже изрядно надоело выглядеть неумехой. Перехватив копьё двумя руками, он бросился в бой.

Конечно, он предпочел бы настоящий шест: древко копья все-таки коротковато. Но техника ушу все равно годилась. Первая подвернувшаяся гиена, поддетая древком, кубарем покатила по траве. Второй повезло меньше. Ей досталось острием и попортило шкуру. В принципе это было даже проще, чем с людьми, разве что стойку надо было держать пониже. Только один раз одна из тварей сумела проскочить под замах и едва не вцепилась Артёму в ногу. Если бы ей это удалось, Грива остался бы без ноги: зубищи – чистая гильотина. Но он увернулся и принял зверюгу на наконечник копья. Вряд ли он опасно ее ранил, но взвизгнула она мощно. И галопом пустилась наутек. Ее товарки – тоже. Надо полагать, восприняли визг как сигнал к отступлению.

Тем временем Архо догнал гиену, которая волочила тушу. Та предпочла отступить.

Грива ожидал похвалы... Не дождался. Наоборот, получил выговор от «опекуна». За неоправданный риск. Мол, мяса вокруг бегают тонны, а если бы гиена грызнула-таки Артёма за ногу, пришлось бы не добычу, а его волочь на копьё. И был бы он уже не охотник, а инвалид. Как Макан.

«Выговор» Архо был совершенно справедлив – Артём это понимал. Но всё равно обиделся.

Антилопу вновь подвесили к древку копья, тупой конец которого лег на этот раз на плечо Гривы. Дальнейший путь охотники проделали без особых приключений.

Зато по дороге у Гривы созрела одна перспективная идея. Если ее удастся осуществить, то он станет поистине великим охотником. По местным меркам.

Глава шестая

Простая первобытная жизнь

Артём Грива

Пангун была матерью Архо и Даши. Мужа у нее не было. Вернее, был, но с ним случилось что-то нехорошее (уточнять, что именно, я не рискнул) – и Пангун стала вдовой. У Пангун был любовник: Фопар-Сто-Топоров, «автор» моего томагавка. Отношения Пангун и Фопара ни для кого не были тайной, но Фопар был именно любовником, а не мужем. То есть жили они в разных хижинах, принадлежали к разным «семьям», и, главное, у них не было и не должно было быть детей. Потому что, как выяснилось, немногочисленные селения племен Реки были строго экзогамными. То есть мужа или жену можно было взять только из другой деревни и, более того, – только с разрешения старейшины. Такого, как Шадаква.

«Только мудрые знают, от кого родятся хорошие дети», – сказал Архо, у которого, кстати, тоже была подружка в своем поселке (естественно для двадцатитрехлетнего мужчины), но жены не было.

Подходящую жену ему еще не подыскиали, но у самого Архо есть кое-кто на примете... Впрочем, в подробности охотник вдаваться не стал. Что же касается егенических правил аборигенов, то тут я, пожалуй, не стал бы их критиковать. Результат эффективности подбора пар я могу видеть своими глазами. Каждый день. На расстоянии трех шагов. «Результат» зовут Даша. Я ей нравлюсь. По-моему... Но не исключено, что это обычное доброжелательное отношение. Не исключено, что, поселившись в их хижине, я стал для нее чем-то вроде брата...

«Ты вполне можешь обойтись без женщины месяц-другой», – сказал я себе.

И постарался переключить внимание с туземных красавиц на оружие. Мне нужно было оружие, которое уравнило бы меня с местными охотниками. Мне нужно было их уважение.

– С этим охотятся твои родичи? – спросил Фопар, разглядывая сделанную Артёмом модельку.

– Да, – соврал Грива. – Вот эта часть должна быть примерно такой длины. Очень прочная. Вот это маленькое копье...

– Дротик?

– Дротик, но еще короче, надо положить сюда. Отпускаешь здесь, и эта веревка бросает дротик вперед. Ее лучше сделать не из ремней, а сплести из сухожилий. Я сам сплелу...

Минут пять потребовалось, чтобы объяснить Фопару принцип действия арбалета, хотя Фопар был мужик сообразительный. Просто ему не приходилось раньше иметь дело с *механизмами*. Тем не менее оружейник понял. И сказал, что сумеет сделать то, что нужно.

Изготовить лук было бы проще, но лук требует серьезных навыков. Так же, как, например, еще более простая в изготовлении праща. Изготовить рычажный арбалет, используя только дерево, рог и кожу, – дело непростое, зато стрелять из арбалета Грива умеет. Обучили в свое время. Правда, тот арбалет, из которого стрелял Артём, был изготовлен не из дерева, кости и сухожилий, а из керамопластика, углеволокна и титана, но принцип стрельбы оставался

тем же. Во всяком случае Артём надеялся, что всё получится как надо. Еще в своем времени он проговорил эту тему со специалистами, и его заверили, что машинка будет работать. Конечно, не на четыреста метров в пяточок, но – вполне удовлетворительно.

Итак, Грива вручил каменных дел мастеру модельку, объяснил, что к чему, и Фопар сказал: сделаю. Но срока не назвал. Для здешних это нормально. Времени, в понимании гражданина двадцать первого века, для аборигенов не существовало.

А в хижине Архо прибавилось еще двое обитателей. Старший брат Архо по имени Мавас, такой же здоровенный, как Пута, но гораздо менее разговорчивый, и его подруга Л'лашни. Мавас ходил за ней к соседям. Теперь, насколько понял Грива, Л'лашни и Мавас некоторое время проживут вместе. А потом, когда убедятся, что подходят друг другу, будет свершен некий обряд, после которого они «официально» станут мужем и женой.

– А если Л'лашни не подойдет Мавасу, назад мы ее все равно не отпустим, – заявил Пута. – Ее возьму я!

Мавас не спорил, только хмыкал в бороду. Они с Путой были друзьями.

Впрочем, Пута-Бегемот поддразнивал всех, включая Артёма. Гриву он звал малышом и советовал Архо получше приглядывать за гостем, а то он такой маленький и слабенький... Вдруг его ненароком унесет какая-нибудь хищная птица.

Артём не обижался... За него обижалась Даша. Артём вовсе не слабенький, сердито возражала она. Это Пута – толстый и ленивый бегемот.

Пута хохотал и, если удавалось дотянуться, хватал и тискал девушку... Что, в свою очередь, совсем не нравилось Гриве, но собственное недовольство он пока держал при себе.

Впрочем, довольно скоро произошло событие, после которого Пута-Бегемот, не без оснований считавший себя самым сильным мужчиной в поселке, перестал дразнить Артёма слабоком.

Как-то на закате Пута боролся с Мавасом. Выглядело это так. Здоровяки хватали друг друга ручищами и пытались опрокинуть на песок. Победителем считался тот, кто оказывался сверху и удерживал противника в лежачем положении, на животе или на спине.

Победителем неизменно оказывался Бегемот. То есть Мавасу удавалось время от времени завалить кореша, но Пута всегда ухитрялся вывернуться и скинуть с себя брата Архо.

За единоборством наблюдали зрители. Человек десять, среди которых была и Даша.

Если бы ее не было, Грива, возможно, не стал бы вмешиваться. Но женщина на то и женщина, чтобы подталкивать мужчину к подвигам. Даже если это и не очень разумно.

Мавасу наконец надоело пыхтеть под тушей Бегемота и вытряхивать песок из волос и бороды.

– Поборотся хочет кто? – без особой надежды спросил Пута.

Среди зрителей присутствовала пара молодых парней, но они Бегемоту не ровня.

– Я – легонько... – пообещал Пута.

– Давай, – неожиданно даже для самого себя сказал Грива.

Пута поглядел на него с сомнением. Артём был меньше Бегемота раза в полтора.

– Ну давай, – согласился он, видя, что других предложений нет. – Иди сюда, маленький...

Грива пришел... И Пута оказался на песке.

Тут же вскочил, довольно проворно... И снова шлепнулся.

Даша звонко рассмеялась. Артём подмигнул ей... И в третий раз уронил носом в песок пошедшего медведем Путу. На этот раз не отпустил – взял на удержание. Пута рванулся, пытаясь скинуть с себя Артёма. Не получилось. Бегемот поднатужился... И чуть было не встал как есть – с заломленной рукой и Артёмом на шее. Грива в последнюю секунду успел подцепить Путе ногу и снова уткнуть в песок.

«До чего здоровый бугай, – подумал Артём. – Обучить такого „стеночному бою“ – чемпионского уровня „биток“ бы получился».

– Отпускай, – прохрипел Бегемот.

Грива отпустил.

Пути встал и ушел. Без единого слова. Обиделся.

Грива тоже ушел. Помогать Фопару.

Работа мастера – всегда работа мастера, с чем бы он ни работал: с камнем, глиной, железом...

Фопар сидел на камне перед своей хижинкой и обрабатывал каменный желвак размером с голову ребенка. Положив желвак на покрытое куском толстой шкуры колено, Фопар обстукивал, оббивал его другим камнем, казалось бы, без всякой системы, пока не получил форму, которой добивался: нечто вроде грубого цилиндра. Тогда мастер отложил отбойник, а подросток, стоявший рядом, протянул ему рог антилопы. Теперь Фопар бил не так сильно, но все равно после каждого удара от «цилиндра» летели кусочки кремня. Минут через двадцать Фопар отложил рог и осмотрел заготовку. Судя по выражению лица, результат мастеру не понравился. Он, не глядя, протянул руку, и подросток вложил в нее кусок рога поменьше. Теперь Фопар обрабатывал камень, «отжимая» от него совсем крохотные пластинки. Через некоторое время он еще раз осмотрел заготовку – и удовлетворенно кивнул. Подложив под заготовку кусок рога, Фопар придавил ее ногой, взял роговое «долото» и одним ударом отколол длинную тонкую пластинку с острыми краями. Второй удар – и еще одна, точно такая же пластинка упала на землю. Смотрелось как волшебство. За считанные минуты – несколько десятков превосходных наконечников. Подросток-помощник подбирал их и осматривал. Те, что были недостаточно острыми, он «доводил» твердой деревяшкой, «сшелушивая» лишнее.

– Дерево для твоего оружия достаточно высохло, – сказал Фопар Гриве, не прекращая работы. – Можно гнуть. Нужны сухожилия для растяжки...

– Для тетивы, – поправил Артём.

«Тетива» он произнес по-русски. В местном языке такого понятия не было.

– Для тетивы, – согласился Фопар. – Сухожилия гну подойдут. Рога – тоже пригодятся. Ты сумеешь добыть гну?

– Думаю, да, – ответил Артём. – Архо мне поможет.

Архо возражать не стал.

– Завтра, – сказал он, – пойдем в саванну и возьмем гну.

Глава седьмая

Непобедимый Г'ши

На гну охотились не так, как на других антилоп. Гну – животные воинственные. Они при виде людей не отступали, а сразу переходили в атаку. Трое-четверо охотников могли завалить одного гну. Но найти в саванне гну-одиночку было трудно, а несколько разъяренных гну... С ними даже прайд львов не станет связываться. Часто гну паслись вместе с зебрами или другими антилопами, что тоже было минусом. Более слабые травоядные всегда настороже.

Но Батани знал место, облюбованное именно гну. Вполне подходящая для охоты холмистая саванна километрах в десяти от стойбища.

Вышли затемно и с рассветом были на месте. Гну тоже были на месте. Небольшое по местным меркам стадо, голов на двести. То, что нужно.

Артём неподвижно стоял на пригорке метрах в двухстах от стада.

Солнце едва поднялось над горизонтом. Со стороны гор дул слабый ветерок. Совсем слабый, едва-едва колышущий траву. Но кое-где травяные метелки раскачивались сами по себе. Так казалось. Но Артём знал: это ползут к стаду охотники – Архо, Батани и Хаала.

Когда между ними и животными осталось метров тридцать, Батани коротко рывкнул, подражая леопарду.

Три копыта взлетели одновременно. Два – мимо. В антилопу, даже такую крупную, как гну, попасть значительно труднее, чем в дерево. Но третье угодило в бок молодого самца.

Гну сбились в кучу, выставив рога, готовые встретить леопарда... Но не людей. А подранок взбрыкнул ногами и бросился прочь. Копье мотнулось раз-другой – и выскочило. Бок антилопы стал ярко-алым. Архо на бегу подхватил копые. Только один бык бросился к нему и попытался поддеть рогом. Архо увернулся и побежал за подранком. Того уже преследовали Батани и Хаала.

Если бы подранок остался под прикрытием стада, его было бы не достать, но он ошалел от боли и скакал куда глаза глядят. Прямо на Артёма. Грива бросился ему навстречу. Зря. Заметив его, гну резко свернул вправо. Охотники бежали за ним, понемногу отставая. Кровь хлестала из раны гну, но четыре ноги, как известно, проворнее двух.

Впереди возвышался довольно крутой холм. Грива начал забираться право, а Архо – с другой стороны, влево.

У подножия холма у гну не будет возможности обогнуть возвышенность, и ему придется взбираться по склону, крутому и поросшему кустарником.

Гну вверх не побежал – свернул влево. Архо отставал от него на какие-то двадцать – тридцать шагов.

Артём решил обогнуть холм справа.

Батани и Хаала полезли на холм... И вдруг оба пронзительно закричали. Гриваглянул вверх и увидел, что Батани и Хаала с невероятной скоростью, перепрыгивая через кусты, несутся вниз, а за ними с громким хрюканьем катится черная мохнатая глыба размером с носорога, но для носорога слишком волосатая.

– Беги, беги! – закричал Гриве Хаала. И тут же зацепился ногой за куст и покатился кубарем. Батани обогнал его...

А Грива подобрал камень побольше и запустил им в непонятного зверя. Попал.

Зверь, которого он так толком и не успел рассмотреть, резко затормозил всеми четырьмя лапами, развернулся с удивительным проворством и бросился на Артёма.

Грива увидел, как здоровенная морда (нечто среднее между мордой гиены и медведя, но таких размеров, что любой гризли умер бы от зависти) распадается надвое, обнаруживая

посередине пасть емкостью в полкубометра и оснащенную клыками, способными перекусить человека пополам.

Не раздумывая, Грива метнул копьё прямо в красную глотку... Пасть захлопнулась. Зверь расщепил толстое древко, как зубочистку. Расщепил, выплюнул, остановился и устал на Артёма. Похоже, копьё не причинило ему вреда. Но озадачило. Ненадолго.

Уворачиваясь от удара широкой, как ковш экскаватора, лапы, Грива упал на траву, тут же вскочил, уходя от второго удара. Зверь нависал над ним, пытаясь прихлопнуть. Для своих размеров он был невероятно проворен. Артём уворачивался, прыгал, откатывался... Убежать он даже не пытался: видел, что зверюга бежит быстрее человека. Сопротивляться тоже было бессмысленно. У Гривы были нож и топор, но, чтобы повредить эту тушу, нужен был гранатомет, а не каменный томагавк с «клином» в три пальца шириной.

Это была игра в одни ворота. Зверь, не особо напрягаясь, порывкая и побряхтывая, гонял человека по пятаку в несколько квадратных метров. А для человека первая же ошибка стала бы последней. Заденет лапой – всё. Ребра – всмятку.

Вдруг зверюга взревела децибел эдак на сто, и вместо зубастого «чемодана» емкостью в полкубометра Грива увидел короткие, толстые задние лапы. По правой струилась кровь.

Не раздумывая, Артём прыгнул прямо на покатуую спину и, хватаясь за свалившуюся шерсть, вскарабкался на могучую холку и вцепился в пыльное ухо. Зверюга мотнула головой, чтобы стряхнуть человечка, но тут на нее накинудись трое охотников, и она отвлеклась, чтобы разобраться с назойливой мелочью. Секунда – копьё Хаалы вырвалось из рук, а сам охотник, не удержав равновесия, покотился по земле. Секунда – кривой коготь зацепил ногу Батани, тот перевернулся в воздухе, грохнулся на спину... Архо с криком бросился вперед, отвлекая зверя...

Артёму хватило трех секунд. Он выхватил топор и с силой вогнал его в выпуклый черный глаз.

В следующее мгновение он оглох, потерял топор, но успел вцепиться и во второе ухо. Ревущая зверюга поднялась на дыбы. Это было очень внушительное зрелище, но Грива не мог его оценить, потому что его мотало в воздухе, как повисшего на бычьем хвосте бультерьера. Но у быка нет лап, а у зверюги они были. Уворачиваясь от когтистого «ковша», Грива выпустил одно ухо, но все-таки успел достать нож и воткнуть его во второй глаз хищника. После чего разжал пальцы и отправился в свободный полет, закончившийся болезненным приземлением в колючий куст.

Пока Артём выбирался из куста, битва закончилась: Архо улучил момент, подобрался к ослепленному зверю и на полметра вбил копьё в незащищенное горло.

Удар был смертелен, но ослепленный зверь еще несколько минут ревел и махал лапами, пытаясь достать своих убийц. И только когда все кусты вокруг забрызгало его кровью, доисторическое чудовище наконец повалилось набок.

– Г'ши, – сказал Архо и толкнул копьём переставшую содрогаться черную тушу. – Мы убили его. Ты убил его, Артём.

– Не я – ты, – возразил Грива, стирая кровь с оцарапанного колючкой лба.

Архо покачал головой.

– Ты цел? – спросил он. – На тебе много крови. Я видел: ты плохо упал.

– Я хорошо упал, – не согласился Артём. – Это царапины. Что с Батани?

С Батани было неважно. Нога, которую зацепил тупой коготь г'ши, пострадала не очень сильно, но вот упал Батани, в отличие от Гривы, действительно плохо. Кажется, сломал ребро.

Грива подошел к убитому хищнику. Ну и тварь. Нет, это точно не медведь. Морда длинная, как у волка. Если представить себе волка размером с носорога. А вот когти на передних лапах очень похожи на медвежьи. Только намного больше.

А Хаалу интересовало другое. Он прорубил топориком шкуру на задней лапе, отсек ножом кусок мяса, понюхал...

– Хорошее, – сказал он. – Можно кушать. Пахнет, как свинья. Архо, ты догнал антилопу?

– Догнал. Пойдем, притащим ее сюда.

– погоди, – остановил его Артём. – Как мы это всё утащим?

– Мы и не утащим, – ответил Архо. – Я побегу в поселок, приведу охотников, а вы пока будете сторожить.

– Я побегу! – запротестовал Хаала. – Я бегаю быстрее тебя.

– Беги, – согласился Архо. – Пошли, Артём, притащим антилопу.

Гну лежал метрах в ста. На нем уже расположилась пара стервятников.

Архо шуганул их и накинуд ремень на шею убитой антилопы.

Вдвоем они приволокли тушу к подножию холма.

Батани сидел на г'ши. Вокруг «истекали слюной» несколько грифов.

– Скоро их будет много, – сказал Архо. – Возьми, – он протянул Артёму его топорик. – Когда одна птица опускается на землю, все другие птицы, которые это видят, летят к этому месту.

Батани соскользнул с туши на землю.

– Возьми, – он протянул свое копье Артёму. – Я полежу пока.

Выглядел он неважно.

Грива взял копье и влез на г'ши. Когда зверь мертв, сделать это намного проще.

«Ну мы и гиганты, – подумал он, устраиваясь на полутораметровой высоте. – Каменными штуковинами завалить такого динозавра».

Однако, что это там делает Архо?

Охотник, отложив в сторону копье, присел на корточки рядом с Батани, положил одну руку тому на затылок, вторую – на ушибленный бок и застыл. Грива увидел, как лицо Батани разгладилось, мышцы расслабились... Минута, другая – и раненый уснул.

«Однако! – подумал Грива. – Что мы, оказывается, умеем».

Интересно, какие еще сюрпризы преподнесет ему белокурый красавец Архо?

А красавец тем временем, не вставая, метнул топорик и сшиб с гну обнаглевшего грифа. Несколько перьев закружились в воздухе, гриф мерзко заорал, но не взлетел: отковылял в сторону, вразвалку, как курица. Его сородичи тоже подались назад. Решили не нарываться. Зато в их команде прибыло: сверху шлепнулись на землю еще несколько стервятников, а чуть позже неподалеку от птиц расположилось семейство шакалов.

Архо подобрал топорик и с его помощью нарубил веток, чтобы соорудить подобие навеса над спящим Батани. Потом Архо внимательно осмотрел копье, что-то пробормотал недовольно, обнаружив, что наконечник затупился и держится на древке не так прочно, как раньше.

– Скоро к нам придет кое-кто покрупнее, – сказал он Гриве, кивнув на стервятников.

– Думаешь?

– Все пожиратели мяса видят, куда слетаются грифы.

Прошло полчаса. Грифов прибавилось. Теперь их было ровно двадцать. И еще марабу.

Солнце ползло вверх. Грива обмотал вокруг головы кусок ткани. Эх, сомбреро бы сюда. А еще лучше – кондиционер.

Приковыляли гиены. Четыре штуки. Мерзко хихикая, сунулись к туше антилопы. Архо показал им копье. Не угрожая, просто демонстрируя: вот смотрите, ребята, что у меня есть.

«Ребята» отступили, потоптались немного... И отправились восвояси. Грива был приятно удивлен.

Затем пожаловал лев.

Грива спрыгнул с г'ши...

– Я сам, – остановил его Архо. – Он старый, драться не будет.

Действительно, стоило охотнику сделать несколько шагов в сторону «царя зверей», как тот совсем по-собачьи поджал хвост и отошел метров на двадцать. Лев был тощий и какой-то очень неухоженный.

Становилось все жарче.

Грифов набралось уже дюжины три. Они расселись кольцом. Воняли, как три помойки. Время от времени стервятники устраивали разборки: орали и дрались. Во время разборок они воняли еще сильнее.

Прибыла новая команда гиен. Пять штук. А может, это были те же самые плюс еще одна.

Посидели немного, всё так же «хихикая», потом проверили людей на вшивость: кинулись скопом на тушу гну.

Но Архо был начеку. Первый брошенный им булыжник угодил одной из пятнистых тварей по голове. Гиене это очень не понравилось. Второй булыжник попал уже не в голову, а в «круп»: гиены временно отступили. И переключились на старого льва. Тому пришлось туго. Он пятился и отмахивался. Наконец забился задом в колючий куст – и гиены оставили его в покое.

– Пойду осмотрюсь, – сказал Грива и полез на холм.

Сверху (о радость!) он увидел километрах в полутора большую группу людей... А с противоположной стороны, вдвое ближе – прайд из шести львов, трусящих прямо к ним.

Спустившись, Артём сообщил Архо о результатах рекогносцировки.

– Если львы придут раньше, гну придется отдать, – сказал Архо.

«Прощай мой арбалет», – огорченно подумал Грива.

Архо тем временем тоже вскарабкался на холм и заорал, привлекая внимание охотников.

Прайд пришел раньше. Четыре львицы и два льва.

Старый лев при появлении сородичей вылез из кустов... и бросился наутек. Львицы улеглись поодаль, а львы уселись шагах в двадцати и жадно уставились на гну. Выдержав паузу, хищники одновременно, как по команде, поднялись и двинулись к антилопе.

Архо встал между львами и гну, вытянулся во весь рост, замахал копьём и издал пронзительный вопль.

Львы остановились, замотали хвостами, тот, что покрупнее, опустил голову и заревел. Голосок у него был повнушительнее, чем у человека.

Грива достал топорик и хотел метнуть, но Архо удержал.

– Если ранишь – они сразу нападут, – совершенно спокойно произнес он. – Не торопись: они не слишком голодны. Не хотят драться. Хотят, чтобы мы ушли. Мы с ними еще поговорим, а тем временем успеют охотники.

И он опять закричал и замахал копьём. Артём тоже набрал в грудь побольше воздуха и издал самый лучший боевой клич рукопашника-«стеночника», на который был способен.

Хорошо получилось. Львы опешили. Стервятники, которые, воспользовавшись тем, что люди отвлеклись, переместились с земли на тушу г'ши, взлетели шумной кучей, роняя перья и помет.

– Хорошо кричишь, – похвалил Архо. – Одно мое ухо теперь почти не слышит.

В общем, львам ничего не обломилось. Через несколько минут подоспели охотники, и львы с гиенами с разочарованным видом растворились в бескрайних просторах саванны. Остались лишь грифы да несколько шакалов. Но и падальщикам досталась только кровь на траве.

Тушу г'ши оплели ремнями. Сверху на нее уложили продолжавшего спать Батани. Затем из ремней соорудили подобие сбури, в которую впряглись два десятка охотников покрепче. Тем, кто пожиже, таким, как Артём, достался гну. И на этот раз никто из четвероногих любителей поживиться за чужой счет не пытался украсть человеческую добычу.

– Хороший день! – сообщил Артёму пытящийся рядом с ним Хаала. – Ни в одном из племен Реки нет убийц г'ши. Мы – первые. Ты – великий охотник, пришедший из саванны. И ты сегодня не дал г'ши убить меня. Когда-нибудь я тоже не дам тебя убить.

Глава восьмая

Тропка, по которой еще никто не ходил

Артём сидел на мелководе. Даша, стоя рядом с ним на коленях, обрабатывала его царапины кусочком меха, смоченным в жгучем, неприятно пахнущем настое. Грива стоически терпел процедуру. Впрочем, боль он всегда переносил неплохо. Куда труднее было переносить близость очаровательной девушки, которая, в отличие от настоя, пахла просто потрясающе, а выглядела даже лучше, чем пахла.

Но Артём, сжав зубы и сцепив за спиной руки, чтобы те ненароком не проявили инициативы, терпел.

Правда, некоторые вещи скрыть довольно трудно, но если Даша и заметила некую неумышленную реакцию организма Гривы, то виду не подавала.

Руки ее порхали, как бабочки, а сама она напевала монотонно что-то вроде: «Храбрый охотник, добывший много мяса, возвратился домой и отдыхает...»

Позже Грива узнал, что эта «колыбельная», слова в которой не имели особого значения, – составная часть местной медицины. Что-то вроде слабого обезболивающего. Более эффективным обезболивающим была какая-то наркотическая настойка, которой напоили Батани. Раненого охотника врачевал сам Шадаква. Грива не ошибся: у парня действительно оказалось сломано ребро. И повреждено что-то внутри. Но Шадаква заявил, что пройдет месяц (лунный, естественно), и Батани снова будет охотиться.

Что же касается Гривы, то Шадаква глянул на него мельком и переадресовал Даше. Артём этому был только рад.

Даша закончила и встала. Грива остался сидеть, любуясь ее ножками.

– Пойдешь со мной за лыком? – спросила девушка.

– Да.

«Лыко», строго говоря, было не лыком, а мягкой волокнистой корой одного дерева. Именно из этой коры изготавливалась местная «ткань».

Даша упорхнула к хижине Шадаквы – вернуть остатки дезинфицирующего настоя, а Грива решил подождать ее «дома».

Перед хижинкой три женщины, Пангун, Л'лашни и еще одна, имени которой Грива не знал, занимались делом: обрабатывали каменными скребками растянутую на колышках шкуру г'ши. Шкура была огромная, как волейбольное поле. Артём еще раз подивился: как им все-таки повезло – завалили такое чудовище.

– Где Архо? – спросил Грива.

– Спит, – Пангун кивнула в сторону хижины. – Есть хочешь?

Грива покачал головой. Сразу после возвращения они с Архо и Хаалой умяли половину печенки г'ши. То есть примерно по полкило сырого мяса на брата.

Незнакомая женщина послала кокетливый взгляд.

– Никто раньше не убивал г'ши, – сказала она.

Незнакомка была примерно одного возраста с молодой женой Маваса, Л'лашни. И тоже весьма привлекательная.

– А правда, что... – начала незнакомка.

Но тут появилась Даша.

– Мы с Артёмом идем за лыком! – с ходу заявила она, с вызовом глядя на незнакомку.

Л'лашни хихикнула. Пангун пробормотала что-то, не сказать чтобы одобрительное, но Даша уже нырнула в хижину и через несколько секунд появилась с большим мешком.

В эти несколько секунд незнакомка успела послать Гриве еще один кокетливый взгляд и лукавую усмешечку, Пангун – окинуть Артёма скептическим взглядом, а Л'лашни – подмигнуть.

«Всё-таки плохо, что я не знаю местных обычаев», – подумал Артём, чувствуя себя отнюдь не матерым мужчиной, майором спецподразделения и камергером Императорского Двора, а неопытным пацаном, который понятия не имеет, как обращаться с понравившейся девушкой.

В ближнем к стойбищу лесу самая большая опасность, которая угрожала людям, это если обезьяна на голову нагадит. Вполне реальная опасность. Обезьян – от крохотных мартышек до здоровенных клыкастых гамадрилов – в лесу была прорва. Они околачивались поблизости от стойбища, составляя компанию шакалам и крысам, «подметавшим» все, что выбрасывали люди. Впрочем, и обезьяны, и шакалы знали свое место и держались от хижин на почтительном расстоянии.

Все, даже наглые гамадрилы, относились к людям с подобающим пиететом. В здешнем биоценозе хомо сапиенс котировались в одном ряду с крупными хищниками. Такими, как львы. Как подобает крупным хищникам, люди предпочитали на обед более крупную дичь. Но ведь и у обезьяны, подошедшей ко льву слишком близко, есть все шансы стать легким завтраком.

Так что и от людей приматы тоже старались держаться подальше. Шкуры четвероруких, не проявивших должной осторожности, Грива видел в хижине Архо.

– Твое племя живет посреди саванны? – спросила Даша.

Грива покачал головой.

– Дальше.

– Дальше? Но дальше саванны жизни нет. Там только камни и песок. Может быть, ты пришел с тех гор?

Грива покачал головой.

– Ты первая, кто спросил меня, откуда я пришел, – заметил он.

– Прости, я знаю, что нехорошо задавать вопросы гостю, – Даша улыбнулась чуть-чуть виновато. – Но я хочу больше знать о тебе. Ты такой удивительный. Я никогда не видела похожих на тебя. Говорят, за лесом красных деревьев живут люди с волосами цвета мокрой земли. Шадаква рассказывал. Говорят, эти люди не такие, как мы... Говорят, они не люди вовсе... Но ведь ты – человек? – Даша остановилась и посмотрела на Гриву. – Ты ведь человек, да?

– Да, – сказал Артём.

Интересно, что еще он мог сказать?

Два шага навстречу – и они оказались рядом. Так близко, что соски девушки почти касались груди Артёма. И коснулись, когда Артём взял ее за плечи и притянул к себе. Ладонки девушки легли на грудь Артёма – не отталкивая, а как будто прислушиваясь, легонько перебирая пальчиками. Тело ее изогнулось так, что живот прижался к животу мужчины, а голова откинулась назад, подставляя ему нежное подрагивающее горлышко. Артём коснулся его губами, тронул языком...

Дыхание Даши участилось. Ее бедра пришли в движение, качнулись влево-вправо. Артём животом ощущал, как упруго двигаются мышцы под гладкой кожей девушки. Он обвил левой рукой ее талию, и Даша еще больше откинулась назад. Артём наклонился к ее грудям, щекоча их отросшей бородкой. Пальцы его правой руки пробежали по ложбинке вдоль ее позвоночника, проникли под край набедренной повязки, обхватили и сжали твердый холмик ягодицы... Негромкий стон... И еще один, когда его пальцы коснулись мягкой, влажной шерстки. Но через секунду она распрямилась и оттолкнула его, ласково, но решительно.

– Нет! – Даша отодвинулась. Но слишком недалеко, поскольку Артём все еще обнимал ее.

– Почему – нет?

Он чувствовал ее желание.

А это «нет»... Может быть, это просто формальность... Обычай...

– Нельзя! – произнесла она твердо. – Мы с тобой не должны соединяться. Я – не та, кто...

Не тот, кто проводит внутрь.

– Но ты же хочешь меня! – ласково проговорил Артём. – Хочешь... соединиться со мной? – произнес Грива, удерживая ее руку.

– Да, – просто ответила девушка. – Хочу.

– Тогда почему ты меня отталкиваешь? Боишься, что твои родичи тебя не одобряют? – Артём хотел сказать «осудят», но не знал, есть ли в местном языке вообще такое слово.

– Нельзя! – Даша погладила его по руке, смягчая резкость ответа. – Ты – чужой, Артём. Ты не знаешь. Ты не входил в...

– Куда не входил? – Грива не понял слова.

– В то, что не здесь. В то, которое внутри. Ты... Ты помнишь, как Архо попросил меня ввести тебя в круг стойбища?

– Да, конечно.

– Так же тебя должно ввести в то, что не здесь.

– Так введи меня! – улыбнулся Грива.

Даша вздрогнула, как будто ее ударили.

– Что ты говоришь! – воскликнула она.

– Солнце мое, – Артём коснулся ее щеки. – Не сердись. Я ведь не знаю, о чем речь. А ты не хочешь мне рассказать.

– Я не могу, – тихо ответила Даша. – Я ведь не мужчина. Я не прохлада, я только тропка.

– Прохлада? – Грива не сразу сообразил, что под «прохладой» в здешнем климате подразумевается нечто позитивное.

– Я – тропка, которой еще никто не ходил, – еще тише проговорила она. – Если ты пойдешь – ты не вернешься.

«Ну что за дурацкие предрассудки!» – подумал Грива.

– Уверю тебя, мой ангел («ангел» он сказал по-русски), что я уже ходил по этой тропке. И ничего дурного не случилось ни со мной, ни с... тропкой.

– Ты не знаешь, – грустно проговорила девушка. – Это... Это... – Она пыталась подобрать подходящее слово, понятное Артёму, но не смогла, поэтому просто повторила: – Ты не вернешься. Нет, не спрашивай меня больше! Я не мужчина. Я не могу тебе объяснить...

– А кто может?

– Никто! – Ее рука выскользнула из пальцев Гривы – он не стал ее удерживать.

«Не знаешь – не лезь!» – сказал он сам себе. Этак можно запросто поломать жизнь девушке. И самому огрести мешок неприятностей. Сначала надо разобраться в здешних моральных устоях. Действовать по принципу: «Пусть мне будет хорошо, а не то вам всем будет плохо!» – не подобает русскому офицеру.

Он разжал пальцы. Миг – и ее грациозная фигурка исчезла в зарослях. Грива бросился за ней, но вскоре безнадежно отстал. Колючие ветки, которые словно бы расступались перед девушкой, Артёма пропускать не желали. Цеплялись иголками-крючками почище колючей проволоки. Мистика какая-то...

Артём нашел Дашу через полчаса. Она снимала с дерева полоски коры и как ни в чем не бывало приветствовала тяжело дышащего и порядочно ободравшегося о колючки Артёма. На ней самой не было ни царапины.

Глава девятая

Оружие калек и пришельцев

Пока Артём с Дашей отсутствовали, в селение пожаловали гости. Охотничий отряд из соседнего стойбища.

– Это кто? – спросил Артём у Даши.

– Вабу. Их поселок выше по реке. В двух днях пути. Оттуда никто не приходил уже три луны. Будет праздник. Пройдем, я назову им твое имя. Расскажешь, как ты убивал г'ши. Пойдем же!

Грива не стал противиться.

На пустом пространстве между хижинами собралось человек сорок. В основном, мужчины. Пришельцев было семеро, и представлять им Гриву не понадобилось. Гостям уже поведали и о Гриве, и о том, как была убита полуторатонная зверюга. Еще бы: вот ее череп красуется на самом видном месте. «Интересно, – подумал Артём, – как удалось так тщательно отчистить кости от плоти?»

Пока Пута последовательно представлял каждого гостя Артёму, Даша тихонько удалилась.

Гости-вабу были похожи друг на друга, как братья. Поджарые мускулистые юноши лет шестнадцати-семнадцати. Исключение составлял их предводитель. Этот был лет на пять постарше. Предводителя звали Ва-Баган. Это имя безусловно что-то означало, но что именно, Грива не знал. Зато когда предводитель вабу встал, то оказался настоящим гигантом. Глядя сверху вниз на Гриву, он произнес:

– Вот ты какой, взобравшийся на г'ши. Такой маленький. Наверное, г'ши тебя не заметил, принял за муху.

Это была не добродушная шутка вроде тех, что адресовал Гриве Пута. Прищуренные глаза Ва-Багана смотрели холодно и недружелюбно.

И впервые с тех пор, как Грива попал сюда, у него появилось желание врезать кому-то по физиономии. Но он воздержался. И язвить в ответ тоже не стал. Пока он еще не настолько хорошо знал язык аборигенов, чтобы состязаться в остроумии.

Впрочем, будь рядом Даша, он, скорее всего, не смолчал бы...

– Красивая черепушка, – Ва-Баган кивнул на череп г'ши. Обращался он не к Артёму, а к Путе. – Я тоже хочу такую.

– Думаешь, она поместится на твоих плечах? – ухмыльнулся Пута.

– Она будет лежать перед моим домом, Бегемот, – пробасил Ва-Баган. – Я буду сидеть на ней, размышляя о смысле великого света.

– Сначала тебе придется уговорить г'ши расстаться с головой, – заметил Пута. – Я думаю, г'ши уговорит тебя быстрее, чем ты – его.

– Если сыновья земляного шакала убили г'ши, вабу тоже могут убить его! – высокомерно бросил Ва-Баган.

С каждым произнесенным словом он всё меньше и меньше нравился Артёму. Еще он подумал, что Пута, названный «сыном земляного шакала», сочтет себя оскорбленным, однако Бегемот (а равно и его соплеменники) восприняли слова Ва-Багана как должное.

– Никто прежде не убивал г'ши! – воскликнул Хаала. – И ты тоже, Ва-Баган. Ты достаточно силен, чтобы поймать гну за хвост, но г'ши намного больше гну!

– ...А хвост у него намного короче, – вставил Архо. – Так, Артём?

– Ухватить можно, – сказал Грива. – Но удержать я бы не взялся. Но ты, Ва-Баган, выглядишь довольно крепким мужчиной. Может, у тебя и получится. Но я советую: попробуй сначала с носорогом. Он почти такой же сильный, как г'ши, зато у него нет ни зубов, ни когтей.

Попробуй удержать за хвост носорога, Ва-Баган. А если не получится, тоже не беда. Глазки у носорога маленькие. Думаю, он тебя просто не заметит. Решит: это муха села ему на хвост.

Вокруг засмеялись. Даже кое-кто из вабу захихикал.

Грива опустил на землю рядом с Архо, и тот протянул Гриве чашку с мутной жидкостью, перебродившим пальмовым соком. Слабеньким, но довольно приятным.

Ва-Багана шутка не развеселила.

– Я найду и убью! – заявил он. – Даже если мне придется пройти через Лес Красных Деревьев, чтобы найти г'ши!

– Не говори о запретном! – укорил его Архо.

– Ты боишься, что Ужас услышит? – ухмыльнулся Ва-Баган. – Не бойся! Все знают, что Ужас не покидает своего леса.

Артём наострил уши. Вот это уже по-настоящему интересно.

– Я не боюсь, – недовольно произнес Архо.

– И я не боюсь! Я пройду через Лес Красных Деревьев к большим озерам, а если Ужас попадется мне навстречу, я проткну его копьем, как бородавочника. Убью его и съем! Верно, братья?

Только один из соплеменников, худощавый юноша с порывистыми движениями поддержал предводителя:

– Я тоже пройду через Лес Красных Деревьев к большим озерам! – воскликнул он. – Для мужчин не должно быть ничего запретного!

– Для мужчин – может быть... – насмешливо произнес Пута. – Только я что-то не вижу на тебе знака Испытания...

Юноша покраснел и стушевался.

– Что это за Лес Красных Деревьев? – вполголоса поинтересовался у Архо Грива. – Где это?

– На первую четверть солнечного пути отсюда. Там растут старые деревья с красной корой. Там – Ужас. Запомни это и не ходи туда, пришедший из саванны.

«Неужели Он там?» – боясь поверить в собственную удачу, подумал Грива.

Определение «Ужас», на взгляд Артёма, идеально подходило родичам трехглазого.

– Почему туда нельзя ходить? – спросил Грива. – Как он выглядит, этот Ужас?

– Я его не видел, – буркнул Архо. – И надеюсь, никогда не увижу. Не хочу об этом говорить. Хочешь узнать больше – спроси Шадакву.

– Спрошу, – сказал Грива. – Непременно.

Предводитель вабу изрек очередную хвастливую тираду и злобно зыркнул на Гриву.

«Интересно, почему он на меня взелся? – подумал Артём. – Неужели из-за г'ши?»

Он собирался спросить об этом Архо, но не успел.

Прискакал мальчишка от Фопара. Мастер звал пришедшего из саванны взглянуть на выполненный заказ.

На испытания пришли оба «оружейника». Как выяснилось, Макан тоже принимал участие в изготовлении арбалета.

Мастера постарались. Даже приклад обмотали кожей, хотя Грива этого не просил. Тетивы сплели из сухожилий и волос из хвоста зебры. Три штуки. Грива знал, что тетивы будут слабым местом. Машинка получилась тяжелее, чем он ожидал: килограммов двенадцать. Имеет смысл подумать, как ее облегчить. Но это потом.

Мальчишки подвесили на ветке старую шкуру, Грива отошел шагов на двадцать, вложил в желобок болт – полуметровую стрелку из твердого дерева с кремневым наконечником. В основании были вставлены короткие перья, которые должны были придать болту вращательное движение.

Первый болт угодил в самый низ шкуры. Грива внес поправку, и второй выстрел оказался точнее. На окончательную пристрелку ушло около часа. Результат Гриву вполне удовлетворил. На дистанции в сто шагов Грива клал три стрелы из пяти в пятно размером с ладонь. Дальше – хуже. Но в этом был виноват не арбалет, а болты, весьма далекие от стандарта. Еще одна проблема заключалась в хрупкости каменных наконечников, но тут уж ничего не поделаешь. Фопар предложил несколько наконечников сделать из рога. Или зубов какого-нибудь грызуна.

Опробовали арбалет и его изготовители. Им понравилось, особенно Макану.

– С таким оружием даже я, калека, мог бы охотиться, – заявил он.

«Да уж, – подумал Артём, представляя, какой переворот в жизни племени произведет эта штукавина. – Пока обитатели саванны приучатся к тому, что безопасная дистанция общения с человеком изменилась, пройдет довольно много времени».

А в поселке тем временем готовились к празднику. Жарили мясо, раскладывали фрукты-овощи, вытаскивали врытые в землю пустотелые бамбуковые стволы, в которых зрело пальмовое вино. А главным блюдом должно было стать мясо г'ши, нарезанное и замаринованное по местному рецепту.

Гости тоже пришли не с пустыми руками: приволокли полцентнера мяса и десяток бурдюков с той же пальмовой бражкой.

Однако кроме гастрономических развлечений планировалась и «культурная» программа. Между столбами натянули размалеванную красным шкуру зебры, сложили кучками топливо для костров... Гулянка планировалась на всю ночь.

Из своей хижины выбрался Шадаква. Прошелся с важностью по поляне, перекидываясь парой-тройкой фраз то с одним, то с другим. Артёму уделил особое внимание: пригласил к себе.

Всё это время Грива безуспешно пытался определить место, которое занимал в племени Шадаква. Вождь? Шаман? Патриарх? Жрец?

Он явно принадлежал к другой народности, «пришедший издалека». И безусловно, был очень уважаемым человеком в поселке.

Каков же его статус? Вождь? Возможно. Вождь, который не командует, а рекомендует, но чьи рекомендации выполняются беспрекословно. Шаман или жрец? Возможно и это. Артём пока не очень хорошо представлял себе сакральные воззрения туземцев. Вернее, совсем не представлял. Знал, что туземцы верят в существование неких сверхъестественных сил. Но не знал, каким богам они поклоняются. Они не приносили жертв, традиционных для отсталых народов. Не «задабривали» звериных духов перед охотой, не молились богам... Создавалось такое ощущение, что у них вообще не было религии. Сегодня, услышав о запретном лесе, Грива сделал фантастическое предположение: может, их богами являются трехглазые? Допустим, живут они в упомянутом сегодня Лесу Красных Деревьев, а Шадаква – их жрец-представитель... Почему бы и нет? Нормальная гипотеза. Артём не знал фактов, опровергающих такое предположение. Впрочем, фактов, его подтверждающих, Грива тоже не знал. Черт! Он вообще знал слишком мало, чтобы строить гипотезы. Вот, к примеру, его друг Ваня Сучков большую часть своего времени проводит у монитора, а в церковь ходит только по праздникам, несколько раз в год. И при этом Ванька – православный, верующий в Христа, а не в информационные матрицы, которым посвящает намного больше времени, чем молитве. Но настоятель церкви, в которую ходит Сучков, большую часть времени отдает Служению. Вывод: если Шадаква – жрец, он должен *служить* богам. Если Шадаква – шаман, он должен заклинать духов и творить всякие шаманские ритуалы. Однако ничего подобного Грива не наблюдал. Возможно, потому что – непосвященный. Непосвященных к сакральным таинствам не допускают. А вот табу и прочие общепринятые религиозные установки касаются всех, а не только посвященных. И эти запреты существуют. Например, сегодня Грива узнал о том, что в племени существуют запрет

на интимную близость (до сих пор Грива ограничений в этой сфере не наблюдал) и запрет на посещение некоего места (доселе Артём считал, что аборигены могут бродить, где вздумается), называемого Лесом Красных Деревьев.

Впрочем, каким бы ни был официальный статус Шадаквы, он был, безусловно, самой авторитетной персоной в поселке. И если уж кто-то способен объяснить Артёму правила здешней игры, то это именно он. Если пожелает, конечно. Несмотря на данное во время их знакомства обещание «говорить много раз», Шадаква, видно, решил выдержать в их общении паузу.

– Ты удивил меня, пришелец, – сказал Шадаква. – Никто еще не убивал г'ши. Из тех, кто живет на берегах Реки, – тут же уточнил он.

– Зверя убил Архо, – в свою очередь ввел поправку Артём.

– Копье Архо оборвало жизнь г'ши, но убил его ты, – возразил Шадаква. – Мне рассказали, как это было. В тебе нет страха, пришелец с именем... – Старейшина пропел фразу, которую Грива не понял. И которую, вероятно, не смог бы повторить правильно, и поэтому не стал переспрашивать.

– Во мне есть страх, – сказал Артём. – Но мой страх повинуется мне, а не я – ему.

Шадаква молча уставился на Гриву. В очередной раз у Артёма возникло ощущение, что старик пытается «залезть» ему в голову и покопаться в мыслях.

Что ж, если дед на такое способен, его ждет большой сюрприз. Ему придется потрудиться, чтобы осмыслить, скажем, образ взлетающего стратосферного «крыла».

– Ты говоришь правду, – наконец изрек Шадаква довольно-таки мрачно. – Племя, которое породило тебя, страшное племя.

– Мои сородичи не все такие, как я, – честно сказал Грива. – Чтобы стать таким, мне пришлось кое-что пережить... Испытать... – Нелегко было найти слово, адекватное термину «спецподготовка», в лексиконе аборигенов.

Шадаква снова уставился на Гриву, как гипнотизер-психиатр – на пациента, вдруг вспорхнувшего над креслом.

– Не вижу на тебе знака Испытания... – пробормотал он через некоторое время.

Что-то такое Грива сегодня уже слышал... Ах да, такими же словами Пута поставил на место парнишку-вабу, причислившего себя к мужчинам.

– Испытания бывают разными, – сказал Грива.

– Здесь – только одно, – возразил Шадаква. – И ты его не прошел. И не пройдешь.

Артём Грива

Я пожал плечами. Не очень-то и хотелось. Хотя если это «испытание» наладит наши отношения с Дашей...

Стоп! Что-то у меня приоритеты сбились. Даша – безусловно, замечательная девушка. Но я – не влюбленный подросток. Я – офицер, выполняющий боевую операцию. Первая стадия, адаптация на местной почве, можно считать, проведена успешно. А отождествляться с окружением, пропитываться проблемами аборигенов, формировать ложные привязки – это лишнее. Первый этап пройден. Следующий – найти трехглазого. Или трехглазых. И у меня, похоже, есть зацепка. Вот эту линию и надо разрабатывать.

Я принял решение – и сразу стало легче. Я перестал быть частью этого мира и снова стал самим собой, майором Гривой, русским, православным, младшим камергером Императорского Двора, сыном своих родителей,

рожденным во второй половине двадцать первого века. Там – мой дом. Там – всё, что для меня важно. А здесь я не живу. Здесь я *работаю*.

Значит, не пройду испытания? Ну-ну... Впрочем, если испытание состоит в том, чтобы изготовить за день дюжину каменных топоров или попасть камнем в макаку за сто шагов, то он, безусловно, прав. Так что закроем тему и займемся делом.

– Неподалеку отсюда есть одно место, – сказал я. – Называется: Лес Красных Деревьев.

Ага! Задело дедушку за живое! Ишь, встрепенулся!

– Кто сказал тебе об этом... месте?

– Ва-Баган, – честно ответил я. – Он сказал: там обитает нечто страшное, но он такой храбрец, что запросто пройдет по этому лесу.

– Ва-Баган так сказал? – В голосе мудрого наставника аборигенов прозвучало сомнение.

Я снова пожал плечами. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

– Это запретное место, – довел до моего сведения Шадаква. – Для всех, кто живет на берегах Реки.

– Не для Ва-Багана.

– Ва-Баган не пойдет в этот лес!

Я в третий раз пожал плечами.

– Если ты пойдешь туда, пришедший из саванны, с тобой случится беда!

– Меня нелегко убить, – заметил я.

– Ты потеряешь не жизнь, а огонь сердца! – объявил Шадаква. – После этого ты сам не захочешь жить.

– Ты напугал меня, Пришедший Издалека, – с усмешкой произнес я. – Видишь, я даже вспотел от страха.

Насчет пота – истинная правда. В такую-то жару.

– Это не смешно, – в голосе Шадаквы звякнул металл, точнее – кремень, если сделать поправку на здешние технологии.

– Возможно, – согласился я. – Расскажи мне о тех, кто живет в Лесу Красных Деревьев. Может, я с ними уже встречался? Нет ли у них случайно еще одного глаза? Вот здесь... – Я постучал себя по лбу.

– Это не смешно, – повторил Шадаква. – Если бы ты встретился с Ужасом, ты не посмел бы смеяться над ним.

– А ты с ним встречался? – спросил я.

– Не в этом мире, – буркнул Шадаква.

– А в каком?

– Ты не поймешь, – отрезал он. – Ты не прошел испытания.

Достал уже со своим испытанием! Но всё равно интересно... Похоже, я вплотную подобрался к сакральным тайнам аборигенов.

– А ты все-таки попробуй.

– Об Ужасе я говорить не буду, – отрезал Шадаква. – Если ты настолько глуп и упрям, иди – и сам все увидишь.

– Не хочешь рассказывать об Ужасе, расскажи о «не этом» мире, – попросил я тоном ниже. – Или это – тоже запрет?

– Говорить – не запрещено, – сказал Шадаква. – Но – бессмысленно. Есть этот мир... – Шадаква раскинул в стороны руки, – ...а есть – другой. Вот такой! – Он с хлопком соединил ладони. – Но рожденный в водах Реки может войти в него.

– Но ты тоже можешь, – сказал я. – Хотя ты рожден не здесь.

Стрела была послана наугад, но попала в цель.

– Я могу, потому что я – Пришедший Издалека, – заявил Шадаква. – Я... – Тут он осекся, видимо, решил, что сболтнул лишнее.

Эх, дедушка! Куда тебе, ровеснику палеолита, соревноваться в словесной игре с бывшим сотрудником русской внешней разведки, за плечами которого четырнадцать вербовок.

– Я тоже пришел издалека, – мягко напомнил я. – Я думаю, из еще более дальнего далека, чем ты. Что скажешь?

Я опять попал в цель. Но, похоже, на этот раз угодил в нежелательное место. Глаза Шадаквы сузились, а физиономия отразила нечто, хорошо знакомое мне по боевому опыту. Так смотрят люди, решающие вопрос, насколько опасен их собеседник. И не лучше ли прикончить его прямо сейчас, пока тот не причинил серьезного вреда.

Я тоже сузил глаза. Деда я не очень опасался. Какими бы сверхъестественными навыками он не обладал, я с ним справлюсь. Но если он кликнет на помощь соплеменников, мне придется туго.

– Ты пришел из саванны, – сказал Шадаква. Без особой, впрочем, уверенности.

– Это ты так сказал, – заметил я.

– Ты пришел со стороны заката, – уточнил Шадаква. – В саванне – множество племен. Худшие из них живут у подножия гор восхода. Но ты не из них.

– Уверен? – Я усмехнулся. – А вдруг я просто сделал небольшой круг, чтобы тебя обмануть?

– Уверен. Это поймет любой, у кого есть глаза, – мудрый дедушка тоже соизволил изобразить усмешку. – Но я чувствую в тебе смерть.

Это было сказано спокойно. Просто констатация факта.

– Я пришел не для того, чтоб причинить вред племенам Реки, – сказал я. – Ни мне, ни моему племени ничего не нужно от вас. Посмотри мне в глаза и увидишь, что я не лгу.

– Да, – нехотя согласился Шадаква. – Ты говоришь правду. Но я вижу в тебе гнев и жажду разрушения. И я сожалею, что позволил тебе остаться.

– Мне уйти? – осведомился я.

– Нет, – Шадаква вздохнул. Или мне показалось? – Раз ты здесь, значит, ты можешь здесь остаться. Иначе тебя бы здесь не было.

И уставился на меня в ожидании.

Я попытался переварить эту философическую конструкцию. Не смог. Видно, я еще недостаточно освоил местный язык. Ответить мне было нечего.

Снаружи донесся взрыв смеха. Почему я здесь, а не там, где весело и вкусно пахнет жареным мясом?

– Иди, – угадав мои мысли, мрачно произнес Шадаква. – Ешь, пей и радуйся.

– Постараюсь, – ответил я.

– Скажи Ва-Багану, что я хочу его видеть, – добавил Шадаква, когда я был уже на пороге. – Немедленно.

Я ничего не ответил. Надо будет – сам позовет. Я ему не мальчик на побегушках.

Но оказавшись снаружи, я передумал. Потому что предводитель вабу, пока я беседовал со старейшиной о высоких материях, времени даром не терял – подбивал клинья к моей девушке. Облапил ее по-хозяйски и с важностью что-то вещал. Надо полагать, хвастался.

Второй раз за сегодняшний день у меня возникло желание посчитать кое-кому зубы.

Отчасти утешило меня то, что Дашу мое появление явно обрадовало. Она выскользнула из объятий Ва-Багана и встала рядом со мной. Ва-Баган тоже встал. Навис надо мной, грозно выпятив челюсть, набрал воздуха в грудь, намереваясь сказать какую-нибудь гадость...

– Иди, – сказал я ему. – Шадаква желает тебя видеть. Немедленно.

Честно говоря, я полагал, что этот бугай пошлет подальше и меня, и Шадакву. Но нет, он только зыркнул яростно и зашагал к хижине старейшины.

Надо же! Похоже, я недооценил авторитет господина Шадаквы. А с этим Ва-Баганом определенно надо разобраться.

– Не сердись, – Даша тронула меня за плечо. – Хочешь вина?

– Нет.

Прозвучало слишком резко. Я не хотел ее обидеть. Ну да, она позволила обнимать себя этому буйволу, но кто я такой, чтобы определять, что ей можно делать, а что – нельзя? Я, который и в обычаях-то здешних не научился толком разбираться.

– Я не сержусь, – сказал я, погладив ее запястье. – Но кое-что мне не нравится.

Мы вышли из поселка и остановились на поляне, где я сегодня опробовал арбалет. Сейчас здесь было пусто и тихо.

Непривычно тихо. Лес молчал. Так бывает перед приближением сумерек. Или незадолго до того, как начнет светать.

Я опустился на траву, потянув за собой Дашу. Дневная жара ушла, но воздух был сухим и горячим, а Дашино бедро, когда я провел по нему ладонью, – прохладным, чуточку влажным, каким-то особенно... живым?

– Ва-Баган хочет взять меня в жены, – сказала Даша. – Если Шадаква разрешит.

– А ты... хочешь этого?

– Ва-Баган очень сильный, – Даша накрыла мою руку шершавой ладонью. – Он – лучший охотник вабу. Но я не хочу его. Я хочу тебя. – Она сняла мою руку со своей ноги. – Когда ты прикасаешься ко мне, мне кажется, что я вот-вот взлечу. Как в мире снов.

– Разве это плохо? – спросил я.

– Плохо. Я не могу ни думать, ни говорить. Я – как спрятавшийся в траве детеныш газели: не знаю, кто найдет меня раньше – мать или леопард.

– Не бойся... – тихонько проговорил я. – Не бойся меня, Даша. Я не хочу сделать больно.

– Ты не хочешь. Но так ли важно, что ты хочешь? Ты... В тебе много страшного. Ты – как огонь. Он делает мясо сладким и мягким, но может укубить большее змеи. А может убить всё живое на много дней пути. А мне страшно быть рядом с тобой, Артём.

– Тогда почему ты сейчас со мной? – мягко спросил я.

– Потому что без тебя мне пусто. Потому что ты очень красивый.

– Неужели красивее, чем Ва-Баган? – улыбнулся я.

– Намного красивее! – пылко проговорила девушка. – Ни у кого я раньше не видела таких волос, как у тебя. И таких глаз. Ты – необычный. А Ва-Баган – такой, как все. А когда он стоит рядом со мной, я вижу только его подбородок, а тебе я могу смотреть в глаза.

Вот так вот. А я-то думал, что рядом со здешними суперменами выгляжу заморышем.

– А там, где я родился, девушкам нравятся большие мужчины, – улыбнулся я. – Такие, как Пута или Ва-Баган.

– Мне нравишься ты. И я видела, как ты вывалял Путу в песке.

– Он здорово тогда на меня обиделся, – заметил я.

– Конечно. Он правильно обиделся. Это ведь игра, а ты всё делал по-настоящему...

Если бы он тогда серьезно отнесся к ее словам!

Но Артём думал не о словах. Он думал о том, как ему желанна эта девушка. Ему казалось: еще ни одна женщина не была столь желанна, как Даша.

– Я всё делаю по-настоящему! – заявил Артём. И попытался ее обнять, но она ускользнула столь же ловко, сколь грациозно. И, засмеявшись, побежала к хижинам. Ах, как красиво она бежала...

Глава десятая

Ва-Баган, великий и могучий

– Ты пришел недавно, человек. Поэтому тебе, наверное, не успели сказать, что я самый сильный охотник на берегах Реки.

Ва-Баган перехватил Гриву в проходе между хижинами и, кажется, решил напугать. Такая вот истинно дикарская наивность!

– Разве? – усмехнулся Артём. – По-моему, ты сам объявил об этом раз двенадцать.

– Я могу раздавить тебя, как крысу! – Рука Ва-Багана сжалась в кулак перед носом Артёма.

– Правда? – Артём приподнял бровь. – Ты давишь руками крыс? Можно узнать, зачем? Предводитель вабу аж зарычал от ярости.

Попробуй-ка разбери: то ли чужак над ним издевается, то ли еще не научился разговаривать на «человеческом языке».

– Д'ша будет моей женой! – рявкнул он. – Не смей приближаться к ней.

– Не ори, душитель крыс, – поморщился Артём. – И не дыши на меня: от тебя воняет, как от гиены.

Ух как хотелось «лучшему охотнику» схватить Гриву и размазать по травке. Он аж дрожал от этого желания.

«Ну, давай!» – мысленно поощрил его Артём.

Но Ва-Баган справился с гневом. Его кулаки разжались.

– Шадаква велел тебя не трогать, – буркнул вабу. – Он слишком заботится о гостях. Но ты сам напрашиваешься на взбучку.

– Лучше слушайся Шадакву, – посоветовал Грива. – Ведь беспокоится он не обо мне, а о тебе. И я не думаю, что Д'ша станет твоей женой. Ты слишком глуп для нее.

– Я глуп? – Ва-Баган ухмыльнулся. Вероятно, считал себя настолько умным, чтобы не принимать всерьез подобный «комплимент». – Почему ты так думаешь?

– Потому что ты надеешься напугать меня своим гиеныным уханьем. Пойди к реке, погляди на свое отражение – и подумай: кто страшнее, ты или г'ши?

– Ты пожалеешь о том, что сказал! – рявкнул Ва-Баган, развернулся и зашагал прочь.

Раунд остался за Гривой. Одно Артёму не понравилось. То, как двигается Ва-Баган. А двигался этот дикарь очень хорошо. Лучше Архо. Лучше Путы. И уж конечно, лучше, чем рожденный в цивилизованном мире Артём Грива.

В пространстве между хижинами были сложены костры. Сложены, но не зажжены. Рядом стояли глиняные горшки, наполненные мясом.

– Ар Т'ом, иди сюда! – окликнул его Пута.

Вокруг, группами по несколько человек, сидели люди. Грива прикинул, что здесь – почти все вабу и примерно половина обитателей поселка.

Пута и Мавас сидели, скрестив ноги. На обоих, в дополнение к привычным набедренным повязкам и кожаным поясам, были надеты плащи-накидки из шкур. На шеях – ожерелья из клыков и когтей. Справа от Маваса сидела его жена – в подобии короткой туники из двух кусков расписанной синими и красными узорами ткани. На шее женщины – ожерелье в три нитки: блестящие ракушки и камни соседствовали с золотыми самородками.

Одежда и украшения были на всех присутствующих: гостях и хозяевах.

Артём опустил на землю. Пута подвинул к нему горшок с мясом.

– Г'ши, – сказал он. – Отличное жирное мясо. Может, нам стоит почаще на них охотиться! – И засмеялся.

На плечи Гривы опустилось что-то мягкое. Шкура леопарда.

– Надо бы сделать тебе плащ из шкуры г'ши, но он был бы слишком тяжелым, – сказал Архо, усаживаясь между Артёмом и Путой. – Подвинься, Бегемот.

– Я видел: Ва-Баган говорил с тобой, – сказал Архо.

– Угу. Рассказывал, какой он сильный и страшный.

– Он действительно силен, – заметил Архо. – И ему очень нравится моя сестра...

– ...А твоей сестре нравится этот малыш! – подхватил Пута, хлопнув Артёма по спине. – И нам всем не нравится Ва-Баган.

– Он не нравится тебе, – уточнил Мавас. – Потому что он сильнее, чем ты. Но вабу он очень нравится. Архо не стоит ссориться с вабу, если он хочет взять девушку-вабу в жены.

– Ва-Багана это не касается, – заявил Архо. – Будет, как решим мы.

– И старшие, – добавил Мавас. – А старейшина вабу – отец Ва-Багана.

– Слово старейшины вабу – ничто против слова Шадаквы, – пренебрежительно бросил Пута. – Шадаква – хранитель...

Тут Архо тронул Путу за руку – и Бегемот прикусил язык.

«Опять тайны, – подумал Грива. – Не слишком ли много тайн для одного дня?»

– А где Даша? – дипломатично поинтересовался Грива.

– Вон там, – махнул рукой Архо. – С матерью.

Артём посмотрел в указанном направлении и увидел Пангун, Фопара, Макана, мальчишек, помогавших оружейникам, и двух девушек, одной из которых была Даша.

А напротив этой группки расположились гости-вабу. И недобрый взгляд их предводителя был устремлен на Артёма.

Ладно, пускай смотрит – чай, не сглазит.

Появился Шадаква. Высокий, прямой, в длинном плаще из белого меха. Степенно двигаясь между двумя рядами сидящих, он зажег костры. Очень вовремя – через минуту стало совсем темно. Ночь наступила внезапно, как бывает в тропиках. И сразу над землей прокатился лвиный рык. Грива невольно поежился. Вряд ли лев сунется в поселок, но рычание зверя пробуждало в нем некий inferнальный страх.

Шадаква остановился напротив их компании. Охотники тут же подвинулись, уступая старейшине место. Шадаква сел рядом с Гривой.

– Лев не придет сюда, – сказал он негромко, одному только Артёму.

До чего, однако, наблюдательный дед.

– А что будет, если он все-таки придет? – спросил Грива. – Придет ночью, когда мы спим?

– Когда ты спишь, – уточнил Шадаква. – Если лев придет, он будет убит. Возможно, кто-то из охотников тоже будет убит. Но это будешь не ты. Ты – гость.

– Позволь узнать, Шадаква, как ты объяснишь льву, что я – гость? – спросил Грива.

Никто не засмеялся его шутке. Ее как будто не услышали. Как будто Артём сказал какую-то бестактность.

«Ну и черт с вами», – подумал Грива. Если аборигены воспринимают каждое слово Шадаквы как откровение, это их трудности. Для рожденного в двадцать первом веке Гривы Шадаква – не более чем первобытный шаман. Примитивные эмпирические знания, слабенькая экстра-сенсорика и здоровенная куча суеверий.

Над костром вились ночные насекомые. Мимо прошмыгнула крыса, своровавшая кусочек г'шатины... А здоровенный предводитель вабу уже устроился рядом с Дашей и вещал что-то с самодовольным видом.

На Артёма никто не обращал внимания. Ахро с Бегемотом обменивались короткими быстрыми фразами, смысл которых от Гривы ускользал. Шадаква жевал мясо, и жир тек по его бороде.

Грива еще раз посмотрел на Дашу. Даша слушала Ва-Багана весьма благосклонно.

А Грива чувствовал себя чужаком. Вроде бы это не должно было его задевать: он и есть чужак. Но – задевало.

«Что со мной творится? – подумал он. – Какие-то подростковые комплексы... Ну да, это не мой праздник. Не мой. И нечего мне тут делать!»

Артём ушел в хижину, улегся и велел себе: спать.

Но вместо этого ревниво прислушивался к голосам снаружи...

...До тех пор, пока полог не откинулся и в хижину не проскользнула Даша.

– Ар Т'ом, ты заболел? – Девушка присела около его ложа.

– Нет, – ответил Грива. – Устал немного.

Дашины волосы белели в темноте. От нее пахло травами, юностью и чуть-чуть – пальмовым вином.

– Иди, веселись, – негромко произнес Грива. – Там тебя, наверное, ждут.

– Ждут, – согласилась Даша. – Ва-Баган. Но я не хочу туда. Я хочу быть здесь, с тобой.

– Хочешь, я сделаю так, что Ва-Баган не станет тебе докучать?

Девушка покачала головой.

– Не веришь, что я – могу? – Грива привстал, положил руку на ее обнаженное плечо.

«Да я из этой гориллы цыпленка табака сделаю!» – подумал он.

– Не трогай его, – попросила Даша. – Пожалуйста. Будет нехорошо. Я чувствую.

Грива молчал. Он тоже чувствовал, что будет нехорошо. Но был абсолютно уверен, что нехорошо будет не им с Дашей, а Ва-Багану.

«Самоуверенность – дурной советчик», – вспомнилось Гриве одно из высказываний Хокуся. Правда, сказано было не ему, а Рыжему...

– Я не пойду туда, – сказала Даша, снимая руку Гривы со своего плеча. – Я останусь с тобой. Только не прикасайся ко мне, пожалуйста.

– Хорошо, – без особого воодушевления согласился Грива.

Девушка опустилась на лежанку рядом с Артёмом. Потом тихонечко запела. В монотонной мелодии было что-то завораживающее. Грива не понимал ни слова. Если, конечно, это были слова, а не просто набор звуков.

Артём сам не заметил, как задремал. Проснулся от прикосновения. Это Даша положила ладошку на его запястье.

«Я обещал ее не трогать», – напомнил себе Грива.

Снаружи доносились звуки первобытной гульбы. Но они странным образом «огибали» сознание Артёма. Настоящий мир был здесь, внутри погруженной во тьму хижины.

Артём плыл в этой темноте, на границе сна и бодрствования, всё глубже погружаясь...

Сморщенное лицо Шадаквы тонуло в клубах дыма.

– Возьми эту женищину, – сказал Шадаква. – Возьми ее, если сможешь.

Если она захочет.

– Она захочет! – воскликнул Грива.

И не узнал своего голоса, потому что голос был совсем чужим. И говорил чужие слова. Но Грива почему-то понимал их очень хорошо.

– Д'ша! – проговорил он пылко. – Она предназначена мне. Только мне!

– Если это так, она будет твоей, – печально произнес Шадаква. – Если нет, тогда мы перестанем быть...

Артём проснулся мгновенно. Сразу же, как только полог, прикрывающий вход в хижину, приоткрылся, впуслав внутрь слабое дуновение ночи. Кто-то вошел внутрь.

Человек.

Грива не подал виду, что больше не спит. Не шевельнулся, сохранил ритм дыхания.

Человек сделал пару шагов и остановился. Он искал. Не присматривался (в хижине было совсем темно), а вынюхивал. Но дышал очень тихо. Артём тоже ничего не видел, но и у него имелись обоняние и слух. Эти органы чувств сообщили, что проникший в хижину – мужчина. И еще: этот мужчина нервничает и испытывает сексуальное возбуждение.

Мужчина остановился около жены Маваса. Наклонился...

Копье Гривы лежало между ложем и стенкой хижины. Одно движение – и...

Неизвестный выпрямился. Кто бы он ни был, но жена Маваса его не заинтересовала.

Грива выжидал. Он слышал ровное дыхание Маваса и Архо. Оба охотника спали. Или делали вид, что спят... Нет, пожалуй, спали. Они порядочно напились на празднике. Алкоголь снижает чувствительность.

Неизвестный двинулся между лежанками. Ступал он практически бесшумно. Ложе Даши – на расстоянии метра от лежанки Артёма. Неизвестный остановился между ними. Артём приготовился...

Даша сдавленно пискнула, когда незнакомец схватил ее...

Грива прыгнул, но опоздал буквально на долю секунды. Неизвестный был дьявольски быстр. Руки Артёма поймали пустоту. Неизвестный выскочил наружу, унося Дашу. Грива метнулся за ним...

Вспыхнул доселе прикрытый шкурой факел. В грудь Артёму уперлись два копья.

Вабу! Все они были здесь. Кроме своего предводителя. Это Ва-Баган проник в хижину и схватил Дашу. И теперь убегал с ней...

Грива зарычал. Отшиб в сторону одно копьё, нырнул под другое, сбил с ног третьего вабу и завладел копьем четвертого. Секунда – и между Гривой и убегающим уже не было никого. Грива бросал копьё намного хуже любого охотника, но спина Ва-Багана была роскошной мишенью. Копьё вошло точно под левую лопатку. Ва-Баган закричал...

Грива стремительно развернулся, одновременно смещаясь, чтобы уклониться от удара в спину... И увидел, что никто из вабу не собирается бить его копьем.

Молодые охотники застыли, опустив оружие... Лица их выражали растерянность...

Из хижины выскочили Мавас и Архо. С оружием. Из соседних домов появились другие охотники. Грива двинулся к Ва-Багану. Один из вабу попытался его удержать – не копьем, просто схватив за руку... Артём шваркнул его оземь. Других желающих остановить Гриву не нашлось.

Даша лежала на траве, похоже, в беспомощности. А Ва-Баган был еще жив. Каменный наконечник вошел в его спину на половину длины, кровь текла изо рта предводителя вабу. Он умирал.

Грива о нем не думал. Он наклонился к Даше... Слава Богу, она оказалась жива. Просто обморок...

– Ей не причинили вреда, – раздался над головой Гривы голос Шадаквы. – А ты убил человека.

Грива выпрямился. Посмотрел на старейшину... Но ничего не успел сказать. Подошедший сзади Архо обнял Артёма.

– Прости его, друг, – проговорил он с искренним сочувствием. – Он – глупый мальчишка вабу, не прошедший испытания. Поленился снять с копья наконечник... Прости ему эту смерть...

Глава одиннадцатая «Люди не убивают людей!»

Ва-Баган умирал почти час. Невероятно долго для человека с такой раной. Пока он умирал, Шадаква сидел рядом и шептал что-то, но не сделал ничего, чтобы помочь раненому.

Когда сердце Ва-Багана остановилось, охотники разожгли костер неподалеку от стойбища. Туда же принесли тело Ва-Багана и два горшка: пустой и наполненный кусками какого-то черного минерала. Нагревшись, вещество расплавилось. Судя по запаху, это был асфальт или что-то подобное.

Вабу сняли одежду с тела, затем один из них рассек покойнику живот, вынул внутренности, сложил в пустой кожаный мешок и залил их горячей смолистой массой. Затем той же массой обмазали покойника снаружи и изнутри. Все это время Шадаква пел. Артём не понимал слов, но вибрирующий голос старейшины пробирал до костей.

Шадаква пел, жители поселка неподвижно сидели вокруг. Здесь были только взрослые мужчины, никто из них не проронил ни слова, и выглядели они так, словно приняли по дозе галлюциногена и теперь наблюдали нечто, недоступное Гриве.

Артём ничего не видел, да и не пытался. Он был глубоко опечален, ведь два часа назад он впервые убил человека не по долгу и не потому, что тот сам намеревался убить Гриву.

Убил, потому что хотел и умел убивать. Убил не случайно, как полагали Архо и остальные, а умышленно. Грива сколько угодно мог убеждать себя, будто не заметил, что у копий вабу – всех, кроме одного, – нет наконечников. Вздор. В «боевом режиме» его сознание замечало абсолютно все. И четко отрабатывало поставленную задачу. В данном случае такой задачей было – уничтожить Ва-Багана. Грива мог отнять любое из копий с той же легкостью, с которой он раскидал молодых вабу. Но он отнял то единственное, на котором был наконечник. Конечно, Грива мог бы убить и голым древком, но не раздумывая выбрал наиболее эффективное по смертоносности оружие. И не раздумывая его применил. Гриве было бессмысленно обманывать себя. Он *знал*, что вабу не станут убивать его. Иначе он просто *не смог бы* повернуться к ним спиной. «Не показывать врагу спину» – железный рефлекс, приобретенный инстинкт, выработанный многолетними тренировками и боевым опытом.

Хотел убить – и убил. Но его ни в чем не обвиняли. Обвиняли мальчишку, забывшего снять наконечник. Никто из охотников даже предположить не мог, что Артём убил Ва-Багана умышленно. Артёма жалели едва ли не больше, чем убитого. И от этого Грива чувствовал себя еще более скверно. Слабым утешением служило лишь то, что Артём все-таки сохранил контроль над своими действиями и зверь, живущий внутри него, не вырвался на свободу. Иначе умер бы не только Ва-Баган.

Труп убитого обмотали полосками ткани и снова покрыли черным веществом.

Шадаква умолк.

Из двух копий и шкуры антилопы сделали носилки. Черный сверток, внутри которого было тело Ва-Багана, уложили на них. Четверо вабу подняли его и унесли в ночь. Рык льва и вопли обезьян стали реквиемом «лучшему охотнику на обоих берегах Реки».

Архо тронул Гриву за плечо:

– Пойдем.

Артём покачал головой. Он чувствовал, что должен остаться.

Охотники ушли.

Костер догорал. Развеялся едкий запах асфальта.

Артём сидел, скрестив ноги. Он больше ни о чем не думал. Он пытался просто *понять* ...

По ту сторону костра, в точно такой же позе сидел Шадаква.

Так они и сидели, пока ночную тьму не сменили бледные сумерки.

Шадаква с трудом распрямил ноги, мощно выдохнул, встал и подошел к Гриве.

– Ты такой, какой есть, – произнес он, возвышаясь над сидящим Гривой. – Смерть Ва-Багана на мне. Это моя вина. Не терзай себя. Не говори никому, Ар Т'ом. Они не должны знать.

– Твоя? Почему?

– Я запретил ему тебя трогать, но разрешил ему взять Д'шу в жены, если она согласится. Я забыл, каков Ва-Баган. Он мог бы стать таким, как ты, родился он не здесь, а по ту сторону Леса Красных Деревьев.

– Таким, как я? Что ты имеешь в виду? – спросил Грива.

– Убивать, – сказал Шадаква. – Убивать, как ты. Здесь, на берегах Реки, *люди не убивают людей*. Ва-Баган мог бы. И ты это почувствовал. Моя вина... – и, не сказав больше ни слова, побрел прочь. Сейчас, когда усталость обессилила старейшину, стало заметно, что он действительно очень стар.

«Здесь люди не убивают людей... Что ж ты не сказал этого раньше, старик?» – с тоской подумал Грива.

Нет, он не пытался оправдать себя. Он виноват. Он мог бы и сам додуматься. Мог бы догадаться, мог бы прислушаться к своему подсознанию, сообразить, почему здесь, в поселке, среди незнакомых непонятных людей, достаточны сильные, чтобы копьями убивать львов, он, чужак, *никогда не чувствовал опасности*.

Зато сейчас он очень ясно ощущал: смерть Ва-Багана – не только смерть одного человека. Произошло нечто куда более скверное...

«Равновесие нарушено – и ограда будет разорвана» – пришла откуда-то загадочная фраза, и Артёма пробрал озноб.

«Всё! – велел он сам себе. – Помедитировали – и будет. Я – не святой. Я русский разведчик, выполняющий задание. И я должен быть в форме. А поэтому – спать!»

И он вернулся в хижину, лег и уснул.

Артём Грива

С той ночи многое изменилось. Несколько дней со мной обращались с подчеркнутой заботой. Сочувствовали. Я делал вид, что переживаю. Использовал ситуацию как повод, чтобы как-то обособиться. Мою отчужденность заметили. И отнеслись к ней с уважением. Только Даша, по моему, огорчилась. Потерпи, детка. Может, это и к лучшему, что у нас с тобой ничего не получится. Если всё пойдет, как планировали умники «Аладдина», через год меня здесь не будет. Не слишком радужная перспектива для серьезных отношений.

Упрятав поглубже собственные чувства и желания, я полностью сосредоточился на деле.

Итак, что у меня есть в информационной базе?

Маленький африканский «Эдем», в котором я оказался. Безгрешные обитатели этого «рая», свято почитающие заповедь «не убий». Как там выразился Шадаква: здесь, на берегах Реки, люди не убивают людей. Но подобная формулировка подразумевает наличие мест, где живут по другим законам. Границей «Эдема» и тех, не столь благополучных, территорий служит Лес Красных Деревьев. О нем известно, что там проживает «Ужас». Возможно, под «Ужасом» подразумеваются родичи «трехглазого пессимиста». Или еще какое-нибудь сверхъестественное диво. Носителем более точной информации, надо полагать, является Шадаква. Он же – «Пришедший

Издалека», «Хранитель...» и наверняка еще пара-тройка сакральных имен, о которых мне не известно. Мудрый Шадаква, совмещающий в одном лице должности врачевателя, руководителя, наставника, экстрасенса, заклинателя духов, верховного судьи и «истины в последней инстанции» для всех аборигенов.

Если мне удастся разгадать, кто он такой, этот «жрец невидимых богов», я сразу поднимусь на следующий уровень понимания ситуации.

Но что-то мне подсказывает, что этот орешек окажется крепче моих зубов, потому что я даже приблизительно не могу представить задачи и цели Шадаквы, а он с легкостью считывает мои побуждения и мотивации. Следовательно, он может мною манипулировать, а я им – нет. И возможно, я – всего лишь марионетка в его руках.

В таком случае – могу ли я верить его словам?

Разумеется, нет.

Только – фактам.

А факты таковы, что та же смерть Ва-Багана могла быть запросто срежиссирована Шадаквой.

Да, дедушка выразил по поводу его гибели подобающую скорбь. Но вместе с тем отметил, что Ва-Баган – в некотором роде паршивая овца в его праведном стаде. Так почему бы не избавиться от этой «овцы», а возможно, и волка в овечьей шкуре – с помощью приблудившейся к отаре овчарки?

Итак, проанализируем конкретные действия Шадаквы.

Действие первое: Шадаква предупредил Ва-Багана, что меня трогать нельзя.

Допустим, Шадаква сделал это, чтобы избежать открытого конфликта гостя и Ва-Багана. Допустим. Не будь этого предупреждения, Ва-Баган наверняка попробовал бы проверить меня «на вшивость»...

И, скорее всего, получил бы качественную взбучку.

Но убивать его я не стал бы. Не тот случай.

То есть, пресекая прямой конфликт, Шадаква лишил нас с вабу возможности определить, кто круче, с помощью «честной» драки.

Действие второе: Шадаква предлагает крутому вабу «убедить» Дашу в том, что он – более подходящая кандидатура в «бойфренды», чем я. Ва-Баган уверен в собственной силе убеждения, но он – не слепой. И не мог не заметить, что девушка симпатизирует мне. Следовательно, ее следует избавить от «дурного влияния» чужака. А поскольку отогнать от нее меня – нельзя, простой как грабли вабу решает украсть «предмет спора». И из «честного соперника» становится «подлым врагом». Теперь судьба «волка» предрешена. Ва-Баган *мог бы* стать убийцей, но я-то *уже им был*. Убивать врагов для боевого офицера – дело не то чтобы обыденное, но привычное. Как только Ва-Баган из соперника превратился во врага, его участь была предрешена. В подобных ситуациях я либо не дрался вообще, либо дрался *всерьез*. То есть моей целью была уже не победа, а *уничтожение противника*. Так меня учили. А учили меня хорошо. Поэтому, даже и не подвернись мне копые с неснятым наконечником, я все равно убил бы Ва-Багана.

Создал ли Шадаква такую ситуацию сознательно? Очень может быть. Если этот мудрый дедушка запросто «читает» чужака, то в душе и мозгах «своего» Ва-Багана Пришедший Издалека должен чувствовать себя как дома.

Итак, Обвинению все ясно.

А Защите?

Что если Шадаква просто ошибся? Недооценил мои силовые возможности? Или переоценил облагораживающее влияние «Эдема»? Или уповал на какие-то местные традиции, о которых я понятия не имею. Может, у них обычай такой – похищать невесту. Вроде как на русских свадьбах. А теперь представим ситуацию, когда жених – не русский, а, скажем, дикий черкес лермонтовских времен, для которого похищение невесты – не игра, а реальный киднеппинг. Простой горский парень, увидев, что нехорошие дядьки увлакивают его суженую, не раздумывая начнет бить на поражение. То-то будет сюрприз, когда вместо выплаты «выкупа» жених перестреляет похитителей.

Правда, в данном случае «женихом» был Ва-Баган. А я – кандидатом в «бойфренды», не одобренным «родителем невесты» и нарушившим основное табу племени – «не убий». То есть преступником.

Однако меня не осудили. И Шадаква, зная об истинных мотивах моих действий, скрыл их от своих соплеменников. Почему?

Любой суд в такой ситуации не станет выносить вердикт, а отправит дело на следствие.

А что делать мне?

Выждать или действовать?

В моей ситуации это даже не дилемма. Я – человек действия и прекрасно это знаю. Тем более что и «мишень» определена. Лес Красных Деревьев. Моя цель – родичи «пессимиста». Если есть вероятность того, что они обитают в этом самом лесу, значит, я должен проникнуть на эту территорию.

Просто – как рыжиком закусить.

Но я не просто боевик, я – разведчик. Даже в каменном веке я должен допускать возможность Большой Игры. И прежде чем брать то, что лежит на поверхности, я должен как следует оглядеться по сторонам и убедиться, что в соседних кустах не сидит хитрован с удочкой, ожидая, пока простодушный Артём Грива слопает приманку. Впрочем, моя задача существенно облегчается тем, что на роль удильщика годился только один персонаж – Шадаква.

Так я полагал тогда. Совершенно выпустив из виду то, что игровое пространство не ограничивается территорией здешнего «Эдема» и его окрестностей. И что игра идет не только в настоящем времени, но и в будущем. И – ради этого будущего. То есть о последнем я, конечно, знал. Но был уверен, что сама Игра затеяна «умниками» «Аладдина», которые и определяют ее правила и цели.

Я ошибался в своих рассуждениях. Хотя мог бы... Нет, не мог. Я был толковым аналитиком, но не гением. Впрочем, красный маркер моей Судьбы уже прочертил зигзаг поперек моей «линии жизни». Мне, выражаясь высоким штилем, были явлены знаки грядущего, и Трубный Глас поразил не только мое сознание, но и каждую косточку моего тренированного организма.

Увы, я об этом не знал. Потому что зеркал в этом мире не было. И следовательно, у меня не было возможности поглядеть на свою физиономию и увидеть изменения, которые очень трудно заметить, глядя на свое отражение в реке.

Глава двенадцатая

Лес Красных Деревьев

Примерное расположение Леса Красных Деревьев Грива выяснил у Маваса. Простодушный Мавас принял за чистую монету слова о том, что Грива опасается случайно зайти на запретную территорию, и охотно разъяснил, каких мест надо избегать.

Но тут возникла неожиданная сложность. Заключалась она в том, что Грива был взят под ненавязчивый, но неусыпный контроль. Его одиночным прогулкам пришел конец. Теперь кто-нибудь из аборигенов непременно навязывался Артёму в компанию. Мягкие протесты Гривы отменялись. Грива подозревал, что охотники получили указание Шадаквы: приглядывать за гостем. Единственный плюс: помимо спутников-мужчин, к сопровождающим Гриву охотникам частенько присоединялась Даша. В том случае, если мать не подыскивала ей какое-нибудь неотложное дело. Правда, приняв решение о приоритете долга над чувствами, Грива теперь вел себя с девушкой достаточно прохладно. Даша воспринимала подобное «охлаждение» спокойно. Возможно, именно такого поведения требовали местные традиции ухаживания. А может, она на эмпатическом уровне уловила, что равнодушие Артёма – показное.

Так или иначе, но Даша вряд ли могла оказаться серьезной помехой намерениям Гривы. Другое дело – охотники. Идти на открытый конфликт Артёму не хотелось. Хватит с него и одного убитого.

Поступил Грива просто: дождался, когда Архо с остальными соберутся в очередную охотничью экспедицию, сказался больным и остался в стойбище.

А когда окончательно рассвело, позавтракал и двинулся в свой собственный вояж. Правда, ему пришлось взять с собой Дашу. Но – ничего страшного. Грива был уверен, что обновить его она не сможет. А если девушка не захочет нарушать табу, то вполне может остаться вне пределов запретной территории. Так даже и лучше. Не хватало еще, чтобы девочка тронулась умом после контакта с местным «трехглазым пессимистом».

Так далеко на юго-восток от лагеря Грива еще не уходил. Здесь прилегающая к саванне лесостепь сменилась настоящим лесом. Сплошной слой листвы высоко над головами не пропускал ни одного солнечного лучика. Колонны исполинских – в два-три обхвата – стволов уходили ввысь. Толстые лианы петлями карабкались по ним вверх и свешивались вниз природными «тарзанками». Среди лиан и прочей выющейся растительности чистейшими красками вспыхивали изумительные цветы.

Идти здесь босиком было очень приятно. Ни камней, ни колючек. Толстый слой опавшей листвы пружинил под ногами. Звериные тропы вились и пересекались. Иногда попадались мелкие, очень прозрачные ручейки. Люди спугнули стайку антилоп, объедавших молодую поросль – тоненький подрост с чахлыми пучками листвы на макушках. Один раз наткнулись на кучу старого слоновьего помета. До этого момента Грива ни слонов, ни продуктов их жизнедеятельности здесь не наблюдал. Но слоновая кость в туземном обиходе присутствовала.

Даша взяла на себя функции ботаника-экскурсовода и просвещала Гриву, что есть что в этом пестром растительном мире. Слушать ее было не только полезно, но и приятно: тональный язык звучит очень красиво. И сама Даша тоже очень красива. Наблюдать за ней, за ее грациозными точными движениями – одно удовольствие.

То, что Артём наконец приближался к цели своей миссии, не мешало ему наслаждаться жизнью: обществом Даши и обаянием первозданной природы, особенно чарующей, когда за спиной висит арбалет, гарантирующий от неприятных сюрпризов.

Хотя, если быть до конца честным, Грива немножко нервничал. Встретиться с «трехглазым пессимистом» (Артём почти не сомневался, что он и есть тот самый «Ужас») – это не в

Летнем саду пива попить. И созерцание прелестной девушки было неплохим способом победить нервную систему...

А Даша была – само очарование. Глаза ее сияли, пшеничного цвета волосы струились по золотистой коже, щекотали плечо Артёма, когда девушка оказывалась совсем близко... Так близко, что Гриве стоило немалых усилий держать руки «на привязи». Это была потрясающая игра. Казалось, сам воздух между ними искрится от желания...

И вдруг...

– Стой! – Даша внезапно вцепилась в руку Артёма. – Пошли отсюда! Быстрее!

– Почему? – Грива насторожился.

– Видишь это дерево? На нем – красная кора.

– Допустим, не красная, а розовая, – уточнил Артём. – Но я не думаю, что оно опасно.

– Дерево – нет. Это Лес Красных Деревьев.

– Да ну? – Артём улыбнулся. Надо же: пришли и не заметили.

– Уйдем отсюда! Пожалуйста! – Даша тянула его назад, но это было безнадежное дело: сдвинуть Артёма с места, когда он этого не хочет.

– Солнышко мое, ты можешь вернуться. Но я намерен идти дальше.

– Нет! Пойдем отсюда! Быстрее! – В голосе Даши звенела паника.

– Я должен, – ласково проговорил Артём. – Но ты – иди обратно. Хочешь, я дам тебе арбалет?

– Нет, нет! – Даша замотала головой. – Артём! Пожалуйста!

– Я должен! – Грива употребил форму, исключаящую выбор. – А ты возвращайся, ладно?

На самом деле ему не очень хотелось отпускать ее одну. Конечно, здешнее зверье людей уважает. Но ведь бывают и исключения. Вроде того леопарда, шкура которого стала плащом Гривы. Однако брать ее с собой на встречу с «пессимистом» ему тоже не хотелось. Ведь не зря же соплеменники Даши зовут его «Ужасом» и стараются держаться подальше от этих мест.

Гриве не удалось убедить Дашу уйти. Ей, впрочем, тоже не удалось уговорить Артёма вернуться. Спор их был прерван. И довольно невежливо...

...Рука Даши разжалась, и она с тихим вздохом осела на тропинку. Артём не успел ее подхватить. Не смог. Его тело тоже вышло из подчинения: даже пальцем не шевельнуть. Так бывает во сне.

Грива не успел испугаться. У него просто не осталось времени. Зато он знал, как надо вести себя в таком «сне», как знает об этом всякий, кто адским напряжением воли заставлял двигаться до предела измотанные мышцы. Более того, Артём знал, что в таком состоянии в действие обращается не напряжение мышц, а собственно желание их напрячь. Это – как переход от ручного управления вертушки к автопилоту. Надо просто задать направление.

А уж боевой «автопилот» у Гривы был самого лучшего качества. Арбалет соскользнул с плеча, рычаг натянул тетиву, стрела легла в паз (всё – не глядя, автоматически), глаза тем временем отыскивали цель, а руки направили на нее тускло блестящую кремневую пластинку наконечника...

...Но палец не нажал на спуск, потому что этот палец снова был не сам по себе, он был принадлежностью своего хозяина. Странное состояние схлынуло, оставив после себя ощущение необычайной легкости и приятное покалывание в мышцах. Как после тонизирующего массажа.

«Не стреляй».

Это было сказано по-русски. Вернее, вообще не сказано. Звук родился где-то внутри. Этакая озвученная мысль.

И она несомненно принадлежала не Гриве, а тому, кто оказался под прицелом.

Увы, у этого специалиста по телепатии оказалось лишь два глаза.

Грива испытал острое разочарование: не тот!

Его противник был приземист, на полголовы ниже Артёма. Широкое лицо, покрытое короткой щетиной, курчавые волосы, тяжелые надбровные дуги. Во всем его облике было нечто звериное, создающее ощущение свирепости, угрозы...

И тем не менее это был человек. Несомненно. И столь же несомненно – совсем не такой человек, как Артём или как любой из встреченных им здесь аборигенов.

Низкорослый, он, тем не менее, вызывал ощущение колоссальной силы. Широкие плечи, чудовищные бугры мускулов...

Рядом с Архо он смотрелся бы как ротвейлер рядом с доберманом. Но копые у приземистого было практически такое же, как у охотников племен Реки, только камень наконечника другой – совсем гладкий и блестящий, как стекло.

«Не стреляй, – снова пришла мысль. – Нельзя!»

– Можно! – вслух и тоже по-русски заявил Грива. – Еще как можно! Если ты сделал с ней что-то скверное...

«Она спит. Она не имеет значения...»

– Она не имеет значения, – уже вслух, по-русски, без малейшего акцента произнес приземистый. – Она – чтобы производить потомство. – Акцента не было, и голос был приятный – глуховатый баритон. Но речь всё равно звучала странно. Как будто говорил иностранец, с трудом подбирающий слова. – А кто *ты*? – И, с большим сомнением: – Тебя здесь нет.

– Вот тут ты ошибаешься, приятель, – заявил Грива. – Только попробуй еще какой-нибудь поганый фокус – и сразу убедишься, что я очень даже есть!

– Не надо бояться, – настойчиво проговорил «Ужас» (если, конечно, это был он). – Я не сделаю ничего, пока не пойму, как ты есть здесь.

– А когда поймешь? – Грива чувствовал растерянность приземистого, но не страх. – Что ты сделаешь тогда? Знаешь что, приятель, а положи-ка ты копые на землю.

– Зачем? – удивился приземистый. – Ты меня боишься? Я могу убить тебя без копья. Вот так. – Короткие толстые пальцы сжались в мосластый кулачище.

– Копье на землю! – с угрозой процедил Грива. – Считаю до трех! Раз...

Неизвестно, был ли знаком этот обезьяноид-телепат с правилом «раз-два-три-в-лоб» или по тону догадался, но копые тут же оказалось на земле. А на Гриву опять накатила волна слабости, но на этот раз он справился с телепатическим прессингом намного легче, чем в первый раз.

– Еще один раз так сделаешь, и пеняй на себя! – предупредил он. – Знаешь, что у меня в руках?

– Оружие, – спокойно ответил человек-горилла. – И ты думаешь, что можешь меня убить.

«Ах я думаю...» – Артём усмехнулся и нажал на спуск. Стрела ударила в землю между здоровенных ступней приземистого. Тот отпрыгнул назад. Довольно резво, но все равно с опозданием.

Грива быстро перезарядил арбалет. Его собеседник не сделал попытки воспользоваться этими мгновениями для атаки.

Артём покосился на Дашу. Девушка лежала на боку. Глаза закрыты, дыхание ровное. Похоже, с ней не случилось ничего дурного.

– Ты ее разбудишь, когда я уйду, – пообещал приземистый.

– Если я позволю тебе уйти, – заметил Грива. – А для этого тебе придется убедить меня, что ты – не враг.

– А если мне это не удастся, ты попытаешься меня убить, да?

Приземистый определенно обладал незаурядными лингвистическими способностями. Он говорил по-русски всё лучше и лучше. Впрочем, для того, кто умеет копать в чужих мозгах, подобная скорость не удивительна.

– Это не я, – человек-горилла угадал или подслушал его мысль. – Это ты быстро учишься. Я говорю не на твоём, а на своём языке. Твой примитивный ум противится прямому контакту. Но готов преобразать и осмысливать звуки речи.

«Может, ум у меня и примитивный, но это не значит, что я должен тебе верить», – подумал Грива.

– Бред, – сказал он по-испански.

– Ортодоксальное миропонимание свойственно особям вашего вида, – на отличном испанском заявил приземистый. – Спор не имеет смысла. Что ты есть – это важно. Ты – слепое пятно для моего всеведущего разума.

«Всеведущего!» – Грива хмыкнул.

– Ты врешь, – сказал он. – Всеведущий – тот, кто знает всё. Если ты чего-то не знаешь...

– Я знаю всё о ней – возразил его собеседник. – Я знаю всё о ее соплеменниках. Я знаю всё о себе и моих соплеменниках. (Ага, – подумал Грива, – значит таких, как ты, тут целая компания!) Я знаю всё о любом разумном, которого вижу. Но не о тебе. Тебя нет... То есть ты есть: я вижу твоё тело, я вижу следствия твоих поступков, но каждый твой поступок не есть часть ткани этого мира. Ты не нить в ее узоре, а пронзающая игла.

– Или ножницы, – уточнил Грива. – Которые перережут нить *твоей* жизни, если ты подойдешь еще на шаг ближе.

Приземистый поспешно отступил.

Его чресла прикрывал примитивный кожаный передник, но, похоже, он знал, что такое ножницы.

– Я буду думать о тебе, – сказал приземистый. – Сейчас нам лучше расстаться.

– Не возражаю, – согласился Грива. – Только сначала приведи ее в чувство, – он кивнул на Дашу.

– Сейчас – нельзя. Она не должна видеть меня.

– Почему?

– Паника. Они – наша противоположность. Они – порождения нашего знания, но они – меньшие, потому их страх смертоносен для нас. А для них смертосна наша смерть. Приходи один. Приходи. Возможно, я пойму, что ты есть. Это очень интересно.

«Ну ты, брат, и загнул», – подумал Грива. И тут приземистый снова его удивил. Совершенно наплевав на угрожающие предупреждения Артёма, он наклонился, подобрал копье, повернулся к Гриве спиной и потрусил прочь.

У Артёма было искушение вогнать ему стрелу в ляжку. Просто чтобы привить некоторое уважение к своим словам. Но он сдержался. Потому что только сейчас до Гривы дошло, кто таков его собеседник. Он бы и раньше сообразил, если бы «пессимист» не затмил все прочие варианты разумных двуногих прямоходящих.

Недавним собеседником Гривы был неандерталец. Представитель предшествующей расы, той, чье место заняли отдаленные предки Артёма. Интересно, как им это удалось, если эта горилла шарит в человеческих мозгах, как домохозяйка – в своем холодильнике, и погружает в сон на расстоянии минимум в сотню шагов? Кстати, о сне...

Артём присел на корточки и похлопал Дашу по спинке. Девушка открыла глаза... В первые мгновения взгляд ее выражал только растерянность и непонимание, но через несколько секунд она вспомнила, где находится, зрачки ее расширились от ужаса, и она оказалась на ногах быстрее, чем Артём.

– ОН ЗДЕСЬ?!

Грива покачал головой.

– Никого тут нет, кроме нас, – сказал он. – Пошли отсюда. Это действительно скверное место.

По крайней мере физическое состояние Даши не вызывало беспокойства. Она рванула по тропинке так, что Грива еле-еле за ней поспевал, и остановилась только километра через три.

Пока бежали, Артём решил, что ему лучше помалкивать о своем контакте с представителем иной разумной расы. Даша потеряла сознание – вот и всё.

Никому не говорить о том, что они зашли на запретную территорию, Даша попросила сама. Она считала, что они забрели в Лес Красных Деревьев исключительно по ее оплошности, и не хотела, чтобы ее наказали.

Грива, естественно, согласился.

В этот же день произошло еще одно событие, впечатлившее Артёма. Он вдруг обнаружил, что теперь понимает язык аборигенов намного лучше, чем раньше. Собственно, не хуже, чем родной русский.

Как тут было не вспомнить слова неандертальца о «примитивном уме» Артёма, который, тем не менее, «готов преобразать и осмысливать звуки».

Грива мгновенно перестал печалиться, что встретил в лесу неандертальца, а не трехглазого. Новое знакомство сулило потрясающие перспективы.

Артём извлек из глубин собственной тренированной памяти всё, что говорил отец по поводу «человека разумного неандертальского».

Итак, предки его сегодняшнего собеседника заявили свои права на планету примерно за двести тысяч лет до Рождества Христова, то есть за сто пятьдесят тысяч лет до рождения Архо и его соплеменников.

Человек разумный неандертальский плодился и процветал полторы тысячи веков, несмотря на сложные климатические условия вроде великого оледенения.

Ростом он пониже, чем кроманьонец, но костяк его, судя по ископаемым останкам, был существенно крепче, и мяса на нем было побольше.

Сегодня Артём убедился в этом воочию. Здоровенный волосатый громила.

Еще отец говорил, что и мозгов неандерталец тоже имел чуточку побольше. И пользоваться ими умел весьма эффективно. В этом Грива тоже сегодня убедился. Тем не менее при столь развитом уме неандерталец не создал ни машинной цивилизации, ни сколько-нибудь заметных памятников архитектуры. Правда, отец сказал, что последнее – не факт. За десять – двадцать тысяч лет любая бронзовая поделка, не говоря уже о железяке, превращается в кучку окиси. Но в данном случае ученые оказались правы. Копье у представителя предшествующей расы явно палеолитическое.

Хотя, может статья, ему и копье ни к чему. Если он может усыплять животных так же эффективно, как проделал это с Дашей, оружие ему без надобности. И все же копье у него было. Значит, с животными его трюки не прокатывают. Или Грива не единственный, кто может противиться гипнозу волосатого экстрасенса?

Глава тринадцатая

Настоящий мужчина в формате первобытного общества

– Я хочу говорить с тобой о серьезном, – сказал Архо.

Грива насторожился. Уж не проводали ли местные, что он наведывался в гости к «Ужасу»?

– Я слушаю тебя, – сказал Артём. – Говори.

Нет, «Ужас» оказался ни при чем.

– Моя сестра хочет быть с тобой, – со свойственной здешним парням прямоотой заявил Архо. – А ты?

– Я хочу быть с ней, – так же просто ответил Грива.

В этот момент он забыл о своем решении держаться от Даши подальше, забыл о том, что он – разведчик. Что через год, вернее, теперь уже меньше, чем через одиннадцать месяцев, если доктор Праччимо и его коллеги ничего не напутали, Гриву выдернут обратно в двадцать первый век. Не думал он и о своей миссии, о судьбах человечества и иных высоких целях и материях. Он просто сказал то, что чувствовал:

– Я хочу быть с ней.

– Тогда ты должен пройти через... Ты должен стать мужчиной.

– Я уже мужчина, – Грива усмехнулся. – Неужели ты в этом сомневаешься, охотник Архо?

– Ты – мужчина, – теперь Архо употребил другое слово. Одно из дюжины слов, обозначающих на здешнем языке половозрелую мужскую особь. – Но ты не мужчина-сущность.

– Что мне надо отрезать, чтобы стать мужчиной-сущностью? – осведомился Артём.

Архо, естественно, шутки не понял.

– Не отрезать, а присоединить, – возразил он. – Ты, я, Пута, Мавас... Мы должны стать как одно. Вместе. Мужчина-сущность не бывает один. Только вместе. Единство. Это... – Архо запнулся, подбирая слова попроще. – ...Единство – это очень хорошо. Замечательно. Единство – это всё! Великая радость и счастье!

«Что ж, – подумал Грива, – вряд ли такой славный парень, как Архо, предложит мне что-нибудь скверное. Надо соглашаться».

– Я уважаю ваши обычаи, – сказал Артём. – Я готов сделать то, что требуется.

– Это не обычай, – Архо мотнул головой. – Это... Это другое. Но ты узнаешь. А сейчас, если ты готов, пошли к Шадакве.

– Пошли, – сказал Грива. – Если он сделает все, что нужно.

– Не он, – мотнул головой Архо. – Ты. И я. Потому что я буду твоим проводником. Ты не возражаешь?

– Буду рад, – Артём не знал, куда именно предстоит идти, но Архо в качестве компаньона его полностью устраивал. Хотелось бы только, чтобы это путешествие не заняло слишком много времени. Его у Гривы не так уж много.

Они явились к Шадакве.

Однако, когда Архо изложил старейшине суть дела, тот ответил решительным отказом. Отказал, уселся на свою шкуру и закрыл глаза. Дескать, разговор окончен.

Но Архо не собирался отступать.

– Ты не можешь сказать «нет», хранитель равновесия! – заявил он.

Первый раз Артём слышал, как кто-то из аборигенов возражал Шадакве.

– Ты не можешь! Единство отрицает умножение сущностей. Сущность, желающую приобщиться к единству, отталкивать не должно!

Шадаква открыл глаза. Взгляд его выразил неодобрение.

- Он не сможет. Он не есть сущность. Он есть недосущество. Единство не примет его.
- Изначальный Свет пришел к нам. Он пришел, ты видишь!
- Вижу, – Шадаква неодобрительно покосился на Гриву. – Конечно, вижу, раз он стоит тут. Но ни ты, ни я не знаем, как он тут оказался и зачем он здесь.
- Мы узнаем, когда он станет частью Единства!
- Он не станет! Он слеп и глух. Разве... – Тут Шадаква осекся и уставился на Гриву так, словно тот внезапно покрылся собачьей шерстью.
- Ты... Ты понимаешь, о чем мы говорим? – процедил он.
- Не всё, – честно сказал Грива. – Я понятия не имею, что именно вы подразумеваете под сущностью. А что касается недосущества...
- Ты понимаешь! – воскликнул Шадаква. – Ты, чужак, понимаешь язык Единства! Ты лгал мне, Изначальный Свет! Ты прятался! Зачем? – Теперь в его голосе звучала обида.
- Грива ничего не понимал. Он посмотрел на Архо... Архо был изумлен не меньше Шадаквы. Честно говоря, Грива давно не видел такой ошарашенной физиономии.
- Я никому не лгал, – проворчал Грива. – Можно подумать, мы с тобой раньше не разговаривали, Пришедший Издалека. – Он вдруг понял, что Пришедший Издалека – не совсем точный перевод. Правильный – не издалека, а из далёка. Причем такого *далёка*, которое невозможно достичь никому другому. Потому что его нет. Вот такое интересное имя у здешнего духовного лидера.
- Мы разговаривали, – согласился Шадаква. – Но не на языке Единства!
- Ах, черт! Теперь Грива сообразил. Тот самый непонятный жаргон, на котором изъяснялись между собой охотники. Чертов сверхразумный неандерталец! «Преображать и осмысливать звуки». Выходит, теперь в «примитивном мозгу» Артёма поселился «универсальный переводчик», который преобразовывал любую речь в понятные слова. В том числе и тайный язык местных эзотериков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.